ГЕННАДИЙ БАБР

СЕМЬ ПЕРЕРОЖДЕНИЙ ПЕТРА ИВАНОВИЧА СМОЛЯНСКОГО

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18 18+

Геннадий Бабр

Семь перерождений Петра Ивановича Смолянского

«Автор»
2026

Бабр Г.

Семь перерождений Петра Ивановича Смолянского / Г. Бабр — «Автор», 2026

Удивительные путешествия нашего современника – Петра Ивановича Смолянского по историческим эпохам в телах и умах великих личностей. Знаменитые люди, уникальные судьбы, фантастические перерождения и открытия. Событийная, персональная и страновая специфика воссозданы с документальной исторической точностью. Седьмое перерождение Петра Ивановича оказалось самым загадочным и необычным, замкнувшим цепь волшебных превращений. Книга будет интересна и полезна всем любителям прошлого и настоящего, знатокам и ценителям Истории.

© Бабр Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Оглавление 6
Глава I. Предчувствие 7
Глава II. Степная Сага 21
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Семь перерождений Петра Ивановича Смолянского

Москва 2025
Сергей Бабр

Аннотация. Удивительные путешествия нашего современника – Петра Ивановича Смолянского по историческим эпохам в телах и умах великих личностей. Знаменитые люди, уникальные судьбы, фантастические перерождения и открытия. Событийная, персональная и страновая специфика воссозданы с документальной исторической точностью. Седьмое перерождение Петра Ивановича оказалось самым загадочным и необычным, замкнувшим цепь волшебных превращений. Книга будет интересна и полезна всем любителям прошлого и настоящего, знатокам и ценителям Истории.

Жанр. Популярный исторический роман с элементами фэнтези. 18 +

Оглавление

Глава I. Предчувствие
Глава II. Степная Сага
Глава III. Океанский поход в Вест–Индию
Глава IV. Пороки и интриги Версаля
Глава V. Ах, Александр Сергеевич!
Глава VI. Писатель и море
Глава VII. «Красный император» Поднебесной
Эпилог. Новая реальность

«Говорят, наша история менее других занимательна; Не думаю: можно одушевить, раскрасить и читатель удивится...»
Н.М. Карамзин

Глава I. Предчувствие

Свой шестидесятый день рождения Петр Иванович Смолянский встретил грустно и буднично, как, впрочем, и все предыдущие за последние годы. После развода с третьей женой он жил один, в скромной однушке на окраине спального района Москвы, недалеко от Московской кольцевой. Каждый раз он со страхом ждал этого дня, и редкие звонки с формальными поздравлениями друзей из далекой и, как теперь казалось, счастливой юности не добавляли веселья. Наоборот, они как бы фиксировали увеличивающуюся с каждым «праздником» пропасть времени, которое как–то быстро и незаметно стерло некогда уверенного и молодого Петра Смолянского, – блестящего интеллектуала и покорителя девушек, вылепив к 60 годам невзрачного, лысоватого и полнеющего мужчину, приобретшего кроме лишнего веса еще и массу комплексов и сомнений относительно себя. Звонок единственного сына от первого брака, – Игоря, который давно вырос, имел свою вполне обеспеченную и самостоятельную жизнь, окончательно добивал Петра Ивановича. Слушая его формальные, вымученные слова о здоровье и долгих годах жизни, он понимал, что, на самом деле, сын никаких теплых чувств к нему давно не испытывал и воспринимал его как классического неудачника. Будучи человек деловым и прагматичным, Игорь знал, что денег или нужных знакомств из отца не вытянешь, потому что ни первого, ни второго у него давно не было. Теплые отношения давно закончились. Встречались они очень редко – один раз в два–три года, ограничиваясь телефонными «поздравлениями». Петр Иванович, воспринимал это, как некую расплату за свою бурную молодость, когда в ходе очередного романа ушел от первой жены, матери Игоря к другой женщине, с которой так же не сложилось, как и не сложилось со многими последующими законными или «гражданскими» женами и на Игоря у него времени не было, мальчик вырос без него, накопив к своему зрелому возрасту кучу обид на непутевого папашу.

Профессионально, после окончания инженерного факультета одного их элитных московских университетов, Петр Смолянский подавал, как говорили сокурсники, преподаватели и знакомые, очень большие надежды. И он воспринимал эти оценки, как вполне естественные и адекватные его способностям. В том, что у него будет большое, богатое и светлое будущее он практически и не сомневался. Хотя по началу не все, как он задумывал, получалось. Не поступление в аспирантуру, куда он шел с полной уверенностью на блестящее начало карьеры. Но напоровшись на вступительных экзаменах на язвительную старуху – профессоршу с профильной кафедры, которой он, не сдержавшись, начал открыто хамить, вызвало у него бурный запой, перешедший в первую непродолжительную депрессию.

– Мелкое препятствие, – подумал, тогда он, – думаю, что большая наука обойдется и без меня, а я войду победителем в большой мир высоких технологий. Он стал мечтать о том, как будет проектировать уникальное оборудование, выполнять сверхдорогие заказы, успешно продавать и выгодно покупать недвижимость и дорогие машины. Он был абсолютно уверен в том, что через короткое время заведет свой успешный бизнес, откроет филиалы в солнечных странах с теплыми морями и большими деньгами. И время, как ему казалось, было на его стороне. На дворе уже наступили безумные 90–е годы, на улицах кто–то торговал носками, трусами и памперсами, кто–то совестью, а кто–то остатками былого советского величия. Отдельные лихие ребята тупо отстреливали друг друга, быстро заполняя дорогие места на Троекуровском, Ваганьковском и других престижных кладбищах столицы. Кто был поумнее и пошустрее, – брали кредиты, воровали, иногда кого–то устраняли, и, если везло, быстро уезжали в эти самые теплые страны с длинноногими и пышногрудыми.

Часть предприятий, на которых удалось потрудиться Петру, уже бодро шагала в ногу с молодым российским капитализмом, который стремительно распродавал за бесценок фабрики

и заводы, мосты и пароходы, вбивая, как выразился один из молодых идеологов новой российской эпохи, «последний гвоздь в гроб коммунизма». И желающих вбить свой гвоздь было немало, как сказал один из успешных сослуживцев Петра:

– Советские пережитки мешают нам рвануть в светлое будущее, – постоянно с пафосом заявлял он.

– Что–то похожее, про светлое будущее я уже раньше слышал, – мелькнуло у него тогда в голове, но запал либерально настроенного коллеги не давал возможность построить хоть какую–то дискуссию. Собеседник добил Петра монументальной фразой, подведя итог так и не начавшемуся спору.

– Скоро настанет время, когда на всех площадях российских городов будут возвышаться памятники великому, молодому Реформатору. У Петра сразу промелькнула в голове картинка, на которой вместо привычных монументов вождю уже сияли в бронзе сотни новых бюстов, полноватого, лысоватого и жуликоватого на вид реформатора. И не то, чтобы он был против молодых и дерзких. Смущало, что мать с отцом грустно сообщили, что «брежневские» 512 руб., лежавшие на сберкнижке, которые они копили почти всю жизнь, оказывается, сегодня уже были и не 512 рублями. То есть цифра осталась та же, а деньги волшебным образом испарились. Родители не очень понимали мудреные слова сына об инфляции, о свободном рынке, который автоматически и легко сделает всех богатыми и счастливыми. И, что работать уже и не надо, нужно просто купить какие–то акции, вперемешку с сапогами жены телевизионного героя, который целыми днями предлагал всем с экрана стать его компаньонами. Затем отец робко достал из кармана два ваучера.

– Ну, это вот такие бумаги, нам их выдали на работе, – неуверенно пояснил он, – на которые мы сможем скоро стать миллионерами и даже купить машину. Так нам сказал наш новый депутат. Петр хорошо помнил, что вскоре после их встречи отец, покрыв крепким матом все, что было связано с «великими демократическими начинаниями» и «свободным рынком», включая нового депутата, вместо машины купил две бутылки водки на эти ваучеры, выпил их с такими же, как и он потенциальными «миллионерами».

Немного Петр поработал и в еще остававшихся конструкторских бюро, где бродил «призрак коммунизма», причем, достаточно махрового. И руководство жестко и бескомпромиссно сохраняло дух и принципы советской партийной эпохи, которая к тому времени уже безвозвратно канула в лета. На стенах кабинетов висели выцветшие почетные грамоты за успехи в социалистическом соревновании, работали партячейки, которые, правда, уже никому не подчинялись. Однажды Петру даже приснился сон, что секретарь парткома с группой товарищей внесли к нему в кабинет гроб с телом вождя, пояснив, что продажные реформаторы планируют захоронить святыню, поэтому партия поручает ему днем и ночью охранять бессмертное тело. Петр, проснувшись в холодном поту, не будучи ярым верующим, сходил на всякий случай в церковь и поставил свечку против «дурных снов». Что касается православия, сам он не очень хорошо понимал – верующий он или нет. Так, ощущал себя где–то «посередине». Причем эта неопределенность его не сильно напрягала. Когда надо, как делали многие окружающие, он шел в храм, крестился, героически выстаивая всю службу. Это было модно, красиво. А если было нужно, в соответствующей компании за бутылкой–другой он мог убедительно обосновать и атеистическую позицию, либо порассуждать о прелестях буддизма, индуизма с его таинственными перерождениями, с чакрами и реинкарнациями.

Будучи человеком начитанным, а в детстве мама целыми сумками носила Пете книги из научной библиотеки, которые он быстро поглощал, ожидая новую партию и к 14 годам он прочитал практически всю советскую и зарубежную фантастику, и исторические романы. Поэтому войдя в возраст, который уже требовал общения с девушками, он всю накопленную книжную экзотику талантливо и красиво преподносил своим слушательницам. У него это получалось легко и красиво, и девушки, явно благоволили его интеллекту. Отдельные даже были готовы

совместно с ним открывать эти самые чакры. Петр, обычно, придавал этому процессу, некое мистическое оформление. Естественно, что женское «сарафанное радио» быстро повышало его интимный рейтинг.

– А не создать ли мне какую–нибудь секту религиозных рабынь – подумывал иногда Петр, закрывая чакры у очередной последовательницы «мистического индуизма».

– Да и чем я хуже этого безумного японца с жидкой бороденкой или нашего, доморощенного, который лечит всех и сразу, на расстоянии, включая энурез. Однако поразмыслив, он решил, что это мелко для его масштабной личности. Он должен мыслить категориями великих исторических героев, эпох и соответственно выдвигать мировые, глобальные проекты, которые бы потрясли если не весь мир, то, по крайней мере, какую–то его отдельную часть. Какую конкретно, правда, пока он еще не решил, но идея слиться с великими историческими личностями показалась ему более перспективной, чем новое прочтение Камасутры[1].

Еще в студенческой юности, штудируя учебники не только по обязательным предметам, но и изучая исторические исследования об известных полководцах, политиках, мореплавателях, о людях, обладавших особой энергетикой и повышенным влиянием на окружающих, он уже тогда и очень часто проецировал их на себя. В одной из книг известного писателя и историка Льва Гумилева[2]Петр нашел подробное описание феномена формирования особых способностей таких людей, которых историк называл пассионариями, то есть тех, кто обладал приобретенной извне особой силой, энергетикой, способной менять мир и судьбы целых народов. Поразила его фраза о смерти. Петр даже выписал ее, не раз прокручивая мистические слова в голове.

– Смерть – это способ существования биосферных феноменов, при котором происходит отделение пространства от времени, – часто повторял он.

Это заводило, волновало и завораживало. Особенно – фраза об «отделении пространства от времени». Он жил в постоянном ожидании, что вот–вот мощная и неведомая энергия вольется в его кровь, и он будет перемещаться от одной великой личности к другой вне этого пространства и времени. Но время шло, а энергия никак не вливалась. Правда, алкоголь и секс в некоторой степени заменяли космическую энергетику, но только на короткий срок их употребления, и явно не помогали Петру менять судьбы народов и государств, вызывая либо тревогу заразиться дурными болезнями, либо мерзкую тошноту и головную боль, называемую в народе похмельем.

Петр постоянно наблюдал, как жесткая московская жизнь неумолимо разделяла горожан на две большие группы – влиятельных, сильных, самодостаточных людей и слабых, зависимых, приспосабливающихся, а фактически, просто выживающих людей. При этом судьба, видимо, сохраняя некие шансы для отдельных граждан, держала часть горожан в некоей «переходной группе», представители которой потенциально могли присоединиться либо к первым (сильным), либо ко вторым (слабым). И Петр всем своим нутром чувствовал, что он находится пока именно в переходном состоянии, хотя был абсолютно уверен, что неминуемо войдет в высшую лигу.

А Большой город, между тем, как рашпилем, рихтуя судьбы и высокие цели, постоянно ускорял процесс расслоения и фильтрации, как бы цинично спрашивая его:

– Ну, куда тебя, в какую яму? Или дать все–таки шанс? – И Петр, порой просто физически, стал ощущать эти неприятные вопросы и знаки. Словно убегая от них, он менял места работы, женщин, друзей, причем, с каждым разом обмены для него почему–то получались все хуже и хуже. Кто–то говорил ему, что трудности закаляют человека, что испытания надо преодолевать достойно и прочую такую лабуду. Но у Петра Смолянского снова и снова возникали

[1] Камасутра – древнеиндийский трактат о чувственно-эротической сфере жизни человека

[2] Л. Н. Гумилев (1912–1992 гг.) – советский и российский востоковед

проблемы с деньгами, жильем, с бывшими или действующими женами и любовницами. Жизнь каждый день добавляла ему неведомые ранее проблемы, комплексы неуверенности, растерянности, нерешительности, постоянные ощущения страха и ожидание очередного поражения. Причем был даже неважен сам масштаб поражения. Он стал одинаково тяжело переживать и от потери большой суммы денег, обменянных на непонятные бумажки и от того, что ему нахамила полуграмотная продавщица в ларьке. Переживал, что бездарно раздал большую часть своего жилья, хорошую машину, на которую всю жизнь копили родители, работая на нескольких работах, и которую купили ему к свадьбе, и не нашел в себе мужества поставить на место очередную, нахальную провинциалку, назвавшую его полным говном и трусом. При этом его «интимный рейтинг» не просто снизился, а катастрофически упал до нуля.

Профессионально он также терпел одну капитуляцию за другой. В итоге, какой–то доброхот в одной веселой компании рассказал ему о прелестях туристического бизнеса и потоках практически дармовых денег, которые, как «золотой дождь», просто обязаны посыпаться на голову Петра Смолянского, пообещав за небольшое вознаграждение, устроить на хорошую должность. В результате к пятидесяти девяти годам он, так и не дождавшись «золотого дождя», остался мелким, рядовым сотрудником большого коммерческого, частного агентства, занимаясь, фактически, секретарской работой и каждый день ожидая приказа от руководства о своем сокращении. Он готовил какие–то сводки, статистику и прочую ерунду по заездам и выездам туристов для руководителя департамента, получая небольшую фиксированную зарплату.

Позже Петр Иванович все время прокручивал в голове ключевые моменты своей жизни, пытаясь выяснить, где была та болевая, главная точка, которая и потянула его жизнь вниз.

– Когда я совершил ошибку, где был главный провал, с которого все началось? – снова и снова спрашивал он сам себя.

– Когда не поступил в аспирантуру? Нет. Когда пошел в этот долбанный турбизнес, – тоже вряд ли. И, перебирая все прожитое, он неожиданно вспомнил предложение Миши Абрамзона, своего давнего лучшего друга, умного, шустрого еврейского мальчика, с которым они вместе учились в школе в одном классе, затем в университете в одной группе, им нравились одни и те же девочки. При этом, он Петр постоянно уводил их от Миши, поскольку был более нахальным и имел тогда неплохие внешние данные в отличие от своего маленького худенького, в очках друга. Миша все это воспринимал без обид, спокойно, демонстрируя не по годам житейскую мудрость. Он вспоминал, как они вместе ездили в стройотряды на Дальний Восток и в Сибирь, где были отмечены первые Мишины коммерческие и организаторские способности. Получив разрешение от командира отряда, Абрамзон быстро завел дружбу с нужными людьми – прорабами, бухгалтерами, местными председателями колхозов и совхозов. В результате коровник, который с горем пополам был построен только на половину, удивительным образом на бумаге оказался сданным полностью, под ключ, и все бойцы стройотряда за лето, включая трех поварих, получили по 900 «брежневских» рублей – огромные по тем временам деньги. Как он это сделал, точно никто не знал, говорили, что и прораб, и председатель колхоза и другие официальные лица остались довольны. Достроили или нет коровник тогда так никто и не узнал, но слава Миши Абрамзона пошла по университету. Он сам теперь набирал так называемые «дикие бригады» из числа опытных студентов и привлеченных им спецов – рабочих. Конкурс, чтобы попасть на лето в Мишину команду, доходил до 10–12 человек на место. Он сам отбирал в свой «стройотряд» нужных людей, владевших сваркой, бульдозером, кранами, совмещавших сразу несколько квалификаций – от кладки кирпичей до электрики и монтажа разного оборудования. Принимались на конкурсной основе юрист и бухгалтер, а также три–четыре симпатичные девушки, которые совмещали кухню с выездами по Мишиным распоряжениям на природу и в баню с нужными людьми из администрации, милиции и других вышестоящих органов, от которых, видимо, зависел успех строительных проектов. Петр своими глазами видел, как эффективно действует созданный Мишей механизм, когда на его строительный объект без

очереди, круглые сутки поставлялись все необходимые материалы, когда по одному звонку подгонялись краны, бульдозеры, экскаваторы и другая необходимая техника. Когда за рабочий день его бригады делали то, что обычно делается неделями бригадами «социалистического труда». В сочетании с «правильным» и грамотными оформлением нарядов и других необходимых бумаг за определенную материальную «благодарность» руководству, это давало потрясающий финансовый эффект. Каждый боец, за полтора месяца ударного труда привозили по две – три тысячи рублей. Невиданные заработки для простого советского человека, тем более студента! С тех пор любая стройка держалась на Мишином таланте. Его ценили и уважали. Правда, в конце 4 курса советские правоохранительные органы, занимавшиеся борьбой с правонарушениями в хозяйственно–экономической деятельности (ОБХСС), вызывали Мишу на допросы и прочие неприятные беседы. Поговаривали, что какие – то завистники и недоброжелатели написали ряд доносов. Но, как–то обошлось, то ли сам Абрамзон уже подсуетился и поработал с нужными людьми, то ли влиятельные товарищи вмешались и оградили молодого предпринимателя от беды. Кто и как отмазал Мишу Петр Смолянский точно не знал, хотя и не раз пытался выпытать у него его охранные секреты. Но все было бесполезно. Абрамзон загадочно улыбался, иногда намекая на какие–то новые, грядущие времена. Петр, который был во всех Мишиных бригадах, за пять лет учебы сколотил неплохое состояние для того времени и был страшно благодарен ему, поскольку таких денег он никогда не видел, а деньги, как известно, давали в Москве массу перспектив и новых удовольствий. Сколько купюр было у самого Абрамзона, ни сам Петр, ни окружающие его люди не знали, но все понимали, что Миша, уже тогда был очень даже небедным человеком.

После окончания университета Миша, неожиданно и как–то внезапно для Смолянского стал собираться на переезд в неведомый и пугающий таежный сибирско–дальневосточный край, где, как он как–то по секрету шепнул, будет делать свое, большое дело, что вызвало тогда у Смолянского дружескую критику и массу шуток. Миша пытался уговорить Смолянского ехать вместе с ним, не объясняя, правда, детали своих планов. Уговоры не возымели своего действа. Петр и представить себе не мог какой–то переезд, неведомо куда, из теплой привычной и, столь манящей многих, Москвы, с уже заработанными деньгами и прочими благами.

– Ну, месяц, два с выездом в бригаде, это понятно, но надолго, как–то слишком радикально, – постоянно размышлял Петр, провожая Абрамзона на вокзал. Миша, прощаясь, пообещал сразу написать ему письмо с нового места.

И действительно, не сразу, но через месяц он получил от него весточку с Дальнего Востока, в котором тот просил своего друга снова срочно приехать к нему и помочь в его новом деле, которое он назвал системой «кооперативных частных предприятий». Он писал о целой сети кооперативов, о близости Японии, из которой он планировал наладить поставки дешевых импортных товаров, включая электронику, автомобили и много чего еще. Он снова и снова просил Смолянского срочно приехать к нему в качестве его первого заместителя и помощника по начинающемуся бизнесу, сообщив, что даже выслал ему деньги для приобретения билета.

Письмо взволновало Смолянского, который, как и все вокруг, видел рождение чего–то нового, необычного и волнующего, эти кооперативы с новыми русскими и, так манящего Смолянского, атрибутами роскошной жизни. Поначалу его это заинтересовало и он, получив Мишины деньги, даже купил билет на скорый «Москва – Владивосток». Смолянский хорошо помнил, как он жарким утром 4 июля 1987 года поднимался по эскалатору станции метро «Комсомольская» с небольшой сумкой собранных в дорогу вещей, решив все–таки ехать к Абрамзону.

– Ну, ничего съезжу, посмотрю, что там и как, что интересного есть для меня, – рассуждал он. При этом по мере того, как эскалатор поднимался все выше и выше, его вновь стали одолевать сомнения – все–таки ехать или нет в эту неведомую даль. Он снова и снова перебирал все «за» и «против», и последней каплей не ехать было воспоминание о звонке новой, обалденно

симпатичной и сексуальной девушки по поводу встречи у нее дома вечером, именно 4 июля. И тогда заманчивые перспективы очередного яркого секс батла с прекрасной незнакомкой, а в этом исходе он не сомневался, выглядели гораздо интересней, чем непонятная поездка хрен знает куда.

– Еду «за туманом и за запахом тайги», а тут может быть моя большая любовь, вдруг я это все потеряю, – врал сам себе Петр, в поисках оправдания, поскольку ни в какое большое и светлое чувство он абсолютно не верил. При этом, в глубине души, понимая, что, в принципе, ехать все–таки надо, поскольку обещал другу, но и ехать именно сегодня, ну, никак не хочется. Шикарная задница в туго обтянутых джинсах и сексуальная улыбка новой знакомой просто оттягивали от вокзала. И Петр, уже подходя к перрону, принял окончательное решение, – не ехать, он повернулся и направился обратно к входу в метро «Комсомольская».

Ничего, поменяю билет, и через неделю или раньше поеду, – с внутренним успокоением, что нашел правильное решение, – подумал Петр Смолянский. Вечером его эротические ожидания полностью оправдались, и он тогда решил, что поступил правильно. Однако, ни через неделю, ни через месяц он так и не выехал, стараясь забыть эту историю и надеясь, что оно как–нибудь само все рассосется.

Миша Абрамзон, узнав об этом, конечно, страшно обиделся, прервав с ним все контакты. Позже, как бы оправдывая себя, Петр Смолянский постоянно приводил десятки «аргументов» в пользу своего решения, начиная от того, что черт меня дернул обещать Мише, да и куда бы я поехал за тысячи километров, из любимой столицы, где все понятно и комфортно, до объяснений, что Миша мог бы его и обмануть, хотя за все время их знакомства в плане денег Абрамзон был всегда предельно аккуратен и честен со Смолянским, как и другими участниками стройотрядов и Петр это прекрасно знал. Но все чаще его охватывало отчаянье за совершенную ошибку и все попытки как–то наладить с Мишей контакты заканчивались полным провалом. Абрамзон молчал, и Смолянскому было понятно, что он ему это не простил, а может быть, просто перешагнул через досадный случай, давно найдя замену и забыв о своем непостоянном и ненадежном друге юности.

По странному стечению обстоятельств Петр не выбросил злополучный билет, купленный на Мишины деньги и не возвращенные ему, с номером вагона семь и местом в плацкарте так же под номером семь. Много позже, когда наступили девяностые, Смолянский с ревностью читал в газетах и смотрел по телевизору об успехах молодого миллиардера Михаила Абрамзона, который раскрутил свой бизнес в сибирско–дальневосточных краях, затем стал покупать английские футбольные клубы, дорогие яхты и прочие блага жизни, став героем светских хроник. То есть, то, о чем, собственно, и мечтал в молодости Петр – славе, известности, богатстве досталась вдруг этому еврейскому мальчику. При том, что все их общие знакомые считали Петра более сильным и способным, чем Миша. И это было особенно обидно. Он снова и снова пытался с ним связаться, но все было безуспешно. Поезд удачи тогда, на Ярославском вокзале 4 июля 1987 года, похоже, безвозвратно ушел, оставив оплаченный Абрамзоном железнодорожный билет. Этот билет был похож на всю его жизнь.

Промелькнули 90–е. Проходили 2000–е. В Москве вокруг Петра Смолянского кипела бурная, чужая для него жизнь. Его молодые коллеги с хорошими проектами, престижными командировками, ночными клубами и постоянно растущими гонорарами интенсивно мелькали вокруг, но его в свою тусовку не приглашали и нелепые попытки Петра Ивановича как–то приобщиться, доказать свою ценность, вызывали злые шутки и еще большее отторжение. Петр Иванович никак не мог найти правильную тональность в общении с местными красавицами из соседних отделов, что особенно задевало его самолюбие. Красавицы, в основном, уже давно были разобраны борзыми молодыми «конями», как в душе он называл своих конкурентов. И в какой–то момент он с ужасом осознал, что вообще утерял способность нравиться и притягивать к себе особ противоположного пола, утеряв энергетику и харизматичность, чем раньше он

обладал в избытке. И дело было даже не в заурядной внешности и не в пятидесяти девяти годах, а в том, что он все больше и больше становился похож на «маленького человека», своеобразного Акакия Акакиевича из гоголевской «Шинели», который боялся начальства, боялся сказать кому–то, что–то резкое, боялся выглядеть в глазах окружающих нелепым, смешным. При этом, как и у гоголевского героя, чем больше он этого боялся, тем сильнее комплексы неуверенности и убогости вылезали из него напоказ для всех любопытствующих. Тогда он избрал тактику тихой обороны, – то есть не вылезать, не светиться, делать свое дело в небольшой конторке, что бы никто его не замечал. После чего он окончательно превратился в современную копию гоголевского коллежского асессора. Он так же, как и этот печальный персонаж с трудом сводил концы с концами, мечтая, правда, не о покупке новой шубы, а хотя бы о подержанной, недорогой иномарке, взамен старой, латанной–перелатанной, еле ползающей «Лады» шестой модели. Каждое утро, приезжая на работу, Петр Иванович ставил ее не на официальной стоянке, где сияли новые мерсы и лексусы его коллег, а в соседнем дворе, за кустами, чтобы, не дай Бог, кто–то из сослуживцев не увидел его средство передвижения. Однако эта военная хитрость уже давно была разгадана всеми окружающими, вызывая дополнительные шутки и розыгрыши.

Но самым обидным и унизительным для Петра Ивановича стала отведенная ему генеральным директором и собственником компании роль секретаря его любовницы – референта практически по всем вопросам, включая самые чувствительные для мужчины, Лолы Зыгарь. Фактически, Смолянский стал личным, исключительно «бесполым» денщиком красавицы. Теперь в основные обязанности, кроме профессиональных, входили походы по магазинам, салонам, оформление бесчисленных заказов на все, что приглянулось Лоле. Что бы как–то структурировать свои безумные потребительские хотелки, она на плотном листе бумаги записывала их в только ей ведомом порядке и торжественно диктовала Петру Ивановичу с соответствующими публичными комментариями. Поговаривали, что хозяин вытащил Лолу из какой–то дыры с учетом рано проявившихся форм и ряда других, важных для девушки умений. Косметологическая и пластическая доводка превратили юную хохотушку в секс–символ по основному месту работы, как бы сошедшей ненадолго с обложки журнала для мужчин. Шеф по всем признакам был страшно увлечен ею, включая и рабочие будни. Надо признать, что кроме шефа сексуальную деву желала практически вся активная мужская часть компании, включая Петра Ивановича. Но, учитывая постоянный контроль со стороны хозяина, на амбразуру, хотя и столь манящую, бросаться в здравом уме никто не желал. А Лола, имея от силы десять классов мухасранской средней школы, несла себя и свои искусственно накаченные груди, с достоинством большого корабля, идущего по главному фарватеру. При этом она постоянно давала ценные указания ведущим и не ведущим сотрудникам практически по всем вопросам. Кандидатура же Петра Ивановича в качестве личного агента по закупкам и прочим ее потребностям, кроме естественно, интимных, была, видимо, одобрена директором в процессе одного из жарких соитий. Покровитель Лолы, давно подыскивал подходящую кандидатуру «денщика» для девушки. Но зная сексуальные таланты своих подчиненных мужчин – самцов, не был до конца уверен в сохранности столь ценного, как ему казалось, товара, несмотря на его негласное табу – «руками не трогать». Кандидатура же Петра Ивановича вызвала у него полное одобрение и поддержку. Шеф давно и недобро посматривал в его сторону, подыскивая удобный случай для его сокращения как неперспективного и возрастного сотрудника.

– Хоть на что–то сгодится, да и лучшего «евнуха» для нее и не найти, – с удовлетворением подумал директор, «подарив» таким образом для своей возлюбленной живую игрушку, как в известной французской кинокомедии. Разница, правда, была в том, что Лола мало походила на французского мальчика – сына богатого предпринимателя. Жуткий провинциализм, нахальство и природная тупость просто фонтаном били из нее. Но по части избалованности и

наглости, она даже превосходила своего киношного прототипа. Таким образом, профессия, а точнее жизнь Петра Ивановича была серьезно скорректирована.

Трагизм положения заключался даже не в том, что теперь кроме своей работы, он должен был еще обслуживать девушку. Самое жуткое было то, что из маленького, незаметного человека он в один миг превратился в публичную персону, постоянно выставляемую напоказ и, даже, получившую с легкой руки той же Лолы новое имя – «Петруша». Именно так теперь она его игриво называла.

– Петруша, – говорила она, — вот, список и карта для оплаты. К обеду все купи и принеси мне в мой офис. После чего, – она, уже обращаясь в общий зал, добавляла, – если сделаешь все быстро, я разрешу тебе прокатить меня по ночной Москве, по клубам на твоем новом Майбахе.

Все понимали, что это была, якобы, шутка, и в этом месте нужно смеяться, оценивая «юмор» референта генерального относительно Майбаха Петра Ивановича и его поездки по ночным клубам. А титул «Петруши» окончательно прилип к пятидесятидевятилетнему мужчине, который ощущал себя уже как минимум на восемьдесят лет. Причем сервисом «доставка товаров» она принципиально не пользовалась, видимо, желая всем показать, что у нее есть персональный доставщик.

– Ну вот такая, брат, эволюция, – подумал он, снова и снова обращаясь к созданному великим писателем коллежскому асессору, но, почему–то, ставшему ему в последнее время особенно близким и родным.

Петр Иванович перестал любить свободные от работы дни, поскольку после воскресенья наступает понедельник и новый круг унижений и стрессов. Общение с телевизором не добавляло оптимизма, и его досуг сводился к бессистемному поеданию очередной пиццы, кусков торта и прочих сладостей, которые слегка оттягивали дурное настроение, прибавляя и без того ненужные килограммы. Иногда он добавлял к радостям жизни одну – две бутылки спиртного, которые распивал в одиночестве или недалеко от дома, за МКАДом, около еще чудом сохранившихся железных гаражей с бомжами или просто пьющими интеллигентами.

Эта категория людей для Петра Ивановича в последнее время стала довольно интересна и, как оказалось, духовно близка. Там были разные люди, была своя иерархия и даже некий «моральный кодекс», абсолютно непонятный людям непьющим. И в этой «иерархии» он автоматически занимал пока ведущее место, поскольку еще не был полностью спившимся человеком, имел какую–никакую квартиру и даже, хоть и старую, но машину, а самое главное – небольшие деньги. Причем небольшими они были для него, а для неработающих собутыльников – они выглядели просто гигантскими, и когда Петр Иванович в порыве великодушия давал одну тысячу рублей, в их глазах он выглядел миллионером – меценатом. Поскольку на эту тысячу можно было купить как минимум две–три бутылки низкопробной, дешевой водки. Такое отношение льстило ему, он начал ощущать себя значимым человеком пусть даже в этом специфическом коллективе, который, правда, постоянно обновлялся после рейдов полиции и скорой помощи. Если бы лет 20–25 назад историю его нынешнего быта ему кто–нибудь рассказал, он счел бы рассказчика умалишенным, но, как говорится: от всего плохого не зарекайся.

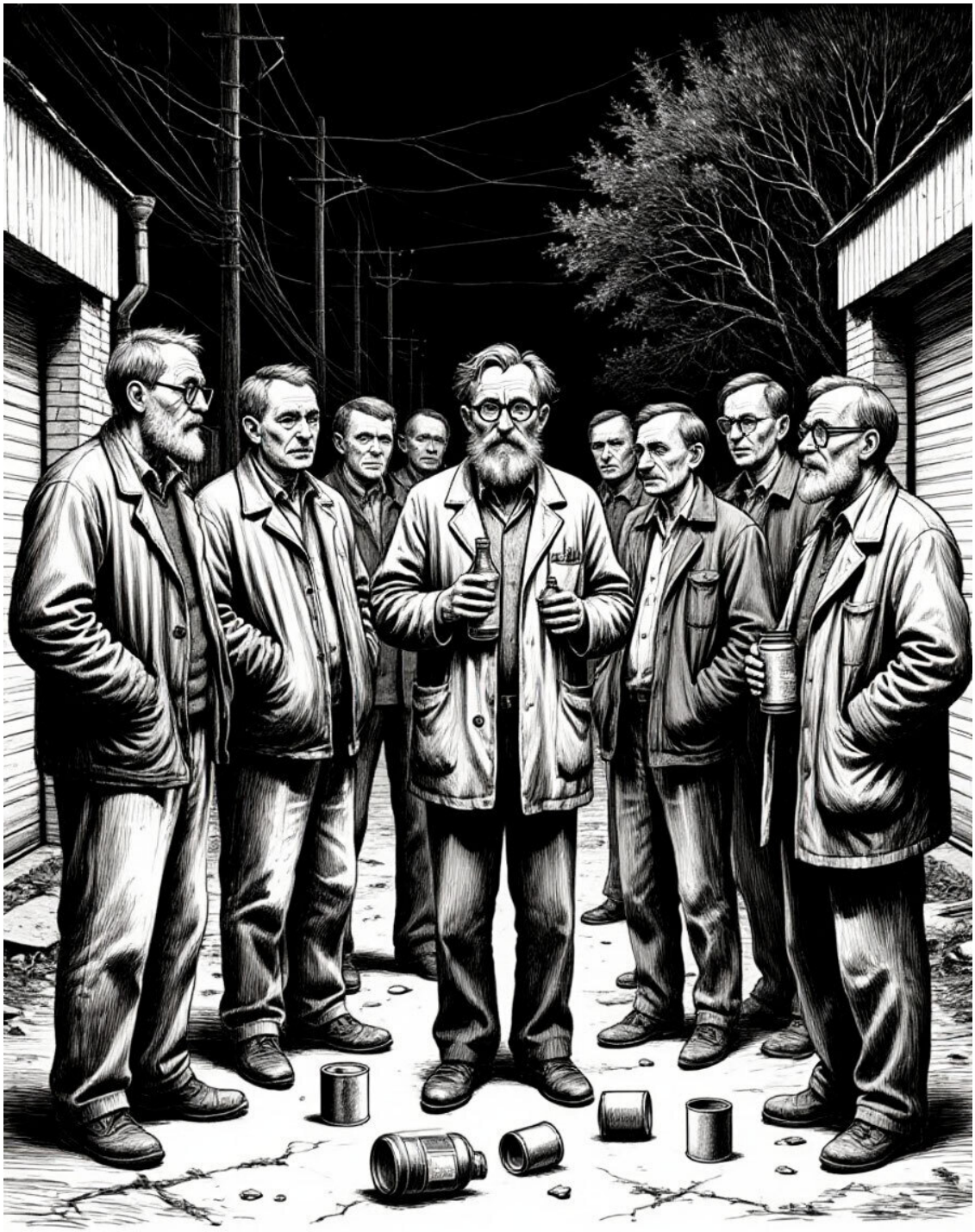
Группа пьющих была достаточно разнообразна и по численности, и по социальному составу. «Классические» бомжи, плохо пахнущие, без возраста, как правило, насквозь больные и тихие, обычно стояли немного в стороне от основной компании, дожидаясь своей порции. Если водки было мало, они могли и не дождаться. Но обид не было никаких. Таков был закон. Приоритет за тем, кто финансировал. Были относительно молодые люди, с потухшими или безумными глазами. От них исходила всегда молчаливая угроза. Самая интересная часть коллектива – спившиеся интеллигенты, не потерявшие еще квадратные метры и большую часть интеллекта. Из них выделялся Семион Аркадьевич Занесский – профессор истории, бывший преподаватель престижного вуза, ушедший оттуда, как он объяснял: «по политико–идеологическим разногласиям с руководством». Как определил Петр Иванович,

профессор не относился к категории пьющих людей, это был просто блаженный и, по–своему, гениальный человек, который нуждался в постоянной аудитории и блестяще знал историю. Сухощавый, высокий, немного сгорбленный с всклокоченной бородой, горящими глазами, постоянно жестикулирующий, с толстыми линзами в старых потрескавшихся очках, он представлял собой образ сумасшедшего профессора из известного американского фильма о постоянных перемещениях во времени. Для Петра Ивановича эти монологи были особенно интересны, так как профессор часто затрагивал как раз те темы,которые, когда–то в юности, да и в зрелые годы волновали и его самого. Профессор блестяще рисовал образы великих полководцев и политиков, причем делал это эмоционально, ярко и убедительно.

– В монгольских степях далекой Азии в 1162 году на берегах реки Онон родился Великий Завоеватель, – начинал свой очередной монолог профессор.

– При рождении он получил имя Тэмучжин, а по титулу в 1206 году, когда взошел на престол Великого монгольского государства, его стали называть Чингисханом, завоевавшим полмира. Его воины, впитавшие с молоком матери тысячелетний опыт кочевья, нечувствительные к жаре и морозам, выросшие в седле и с луком в руке, проходившие на своих низкорослых конях огромные расстояния, не теряли боевого духа, были неутомимы и неуязвимы. Они были универсальными солдатами той кочевой эпохи, были рождены для войны, чтобы покорять всех на своем пути. Им нужен был только повелитель – хитрый и жестокий, могучий и справедливый, не прощавший чужих ошибок, предательства и трусости. И Чингисхан стал таковым! – Выделяя слова «предательство и трусость», яростно вещал профессор.

Петр Иванович ярко и зримо, до мельчайших деталей, вдруг, ощутил облик этого завоевателя, его мощь и чудовищную энергетику, почувствовав неодолимое желание, хоть на минуту перевоплотиться в покорителя народов, насладиться плодами победителя.



– Он создал гигантскую мировую империю, – продолжал Занесский, – от Европы до Восточной Азии, завоевав сотни народов и десятки государств, покорив древние цивилизации. Умирая, в 1227 году, он оставил своим потомкам завещание, которое в монгольском эпосе – «Сокровенном Сказании», гласило:

– Пусть бренное тело мое пострадает, но будет держава непоколебима, пусть тело мое обессилит, истает, зато государству стоять нерушимо! – эффектно завершил свой спич Семион Аркадьевич, победоносно вскинув руки.

– А где же, где же его могила? Как его похоронили? – С неподдельным интересом спрашивали слушатели, на какое–то время даже забыв о главном.

– Никто и никогда не найдет его могилу, – патетически продолжал профессор. – Возвращаясь в 1227 году из очередного военного похода, в котором он получил тяжелые ранения, на марше, умирая, он велел тайно захоронить его на просторах монгольских степей, а место скрыть, прогнав по нему тысячи и тысячи табунов лошадей. Рабов же и слуг, копавших могилу, было велено казнить, не оставив ни одного живого свидетеля места погребения. Так закончил свою жизнь Чингисхан, – один из самых жестоких и великих полководцев в истории человечества, – завершил монгольскую часть «лекции» профессор.

– Да, действительно, великий был человек, грозный и таинственный, – находясь под впечатлением от услышанного, мелькнуло в голове Петра Ивановича. Однако, вслух, то ли из природной вредности, то ли просто из желания хоть как–то разбавить блестящий монолог историка, Петр Иванович, спросил:

– Получается, что Тэмучжин был тираном и на крови построил свое величие?

Занесский внимательно и как–то грустно посмотрел на Смолянского, и словно цитируя, какого–то классика медленно произнес:

– Жестокости, совершенные победоносными монголами, конечно, были ужасны, но не менее ужасными были зверства чжурчжэней в Китае, сельджуков в Армении, крестоносцев в Прибалтике, Византии и священном Иерусалиме. Такова была эпоха. Таковой она осталась и сегодня, – грустно резюмировал он.

– Да, он абсолютно прав, особенно относительно современной эпохи, – подумал Смолянский, невольно проецируя термин «современная эпоха» на компанию, в которой он трудился.

Ночью, когда засыпал, Петр Иванович с огромным удовольствием, мечтательно рисовал картины захвата ордами монголов сотрудников его офиса, включая пышногрудую Лолу, отданную, почему – то по распоряжению Петра Ивановича, в наложницы к огромному и свирепому Батыру – командиру одной из монгольских сотен. Фантазия Смолянского рисовала и ряд более детальных картин пленения референта, которые смело можно было бы обозначить титром «только для очень взрослых».

– Да, я бы навел тут порядок, будь я Чингисханом, – промелькнула безумная мысль у него в голове.

На следующей субботней сходке за гаражами, пока не пришел хозяин гаража и грубо не прогнал «дискутантов», профессор колоритно рассказывал о первом путешествии трех каравелл Христофора Колумба, одержимого страстью найти кратчайший путь к золоту и пряностям Индии и Китая.

– Но не по восточным морским маршрутам, как делали до него все мореплаватели, – почти кричал профессор, а по–западному, который, как считал Колумб, был в три раза короче традиционных путей. Христофор сам все рассчитал, используя знания итальянских картографов и астрономов. И он дошел, он дошел до Америки за 36 дней на своих трех каравеллах – «Санта–Мария», «Ниньа» и «Пинта». Это были нынешние острова Гаити, Ямайки и Кубы. Но он так и не понял, что же открыл, считая, что это и есть таинственная Индия, – сказал Семион Аркадьевич.

– Какая же это была несправедливость, – продолжал профессор, – ни золота, ни драгоценностей он не нашел, даже имени своего не оставил открытому континенту, умер нищим в Испании. Позже только небольшая страна Колумбия получила имя Христофора, а в историю вошел другой мореплаватель, его друг и сподвижник, шедший по его следам и по проложенным Колумбом маршрутам. Это был Америго Веспуччи, имя которого и носит этот континент, откуда буквально через пять — десять лет пошли каравеллы и шхуны, доверху груженные золотом и серебром, то, о чем так мечтал великий Колумб. Это было золото инков и ацтеков, это были гигантские богатства, которые завели мотор Европы, запустив заводы и фабрики, создав корабли на паровой тяге. А ошибка и личная трагедия Колумба стали началом европей-

ской промышленной революции, началом великого подъема англосаксов! Какая историческая несправедливость! – патетически закончил профессор.

Петр Иванович, считая себя в принципе человеком образованным и много в свое время прочитавшим, с удивлением слушал профессора, открывая для себя все новые и новые страницы и абсолютно неизвестные для него факты.

– Да, удивительный «лекторий» можно иногда услышать в самых, казалось бы, неподходящих местах, – подумал Петр Иванович, чувствуя возрастающее желание приблизиться к историческим персонажам, на короткое время стать ими, прочувствовать их силу и энергию.

Далекая от высоких исторических картин группа бомжей также страшно уважала профессора. Его всегда ждали. И когда он приходил, какой–то потерянный и одинокий, эти люди делились с ним самым дорогим для них самих в тот момент. Они добровольно отдавали ему часть своей драгоценнейшей порции, добытой неимоверными усилиями и без которой они и сами могли бы умереть. Никому другому, ни при каких обстоятельствах они это бы не отдали.

Петр Иванович не раз наблюдал трагикомическую сцену «лечения» профессора, когда бомж Илья – старожил этих мест, мужчина неопределенного возраста, с густой бородой, в домашних тапочках, туго перевязанных скотчем и, видимо, рассчитанных на все сезоны, трясущимися руками, наливая прозрачную жидкость, с теплотой приговаривал:

– Давай, давай, светлая голова, накати. Легче будет на душе.

Петру Ивановичу Смолянскому в этот момент неожиданно пришла в голову парадоксальная мысль о том, насколько же все относительно в окружающем мире. Например, для миллиардера известие об очередном правдами–неправдами заработанном миллионе, это, скорее всего, приятная, но обыденная новость, от которой, как выражается молодежь, «не сносит крышу». А вот для бомжа Ильи и других ему подобных подаренная кем–то бутылка водки или сто рублей в трудную минуту, цена которой – сущие гроши, «крышу точно снесет», и радость будет, возможно, в тысячи раз сильнее и ярче, чем обыденная «радость» миллионера.

– Понятно, – развивал свою мысль Петр Иванович, – что миллионер по–своему также счастлив – от своего положения, от количества денег, окружающего комфорта и прочих материальных благ. Но ощущения остроты этого счастья, как это ни парадоксально звучит, у него и бомжа Ильи абсолютно несопоставимы, у последнего оно, это ощущение в тысячи раз сильнее, острее, чем у зажравшегося миллионера.

– Господи, о чем это я, – поймал себя на мысли Петр Иванович, – надо заканчивать опасные философствования. А то скоро также надену «всепогодные» тапочки и встану с ними, с бомжами, в ожидании их специфического «счастья».

После общения с талантливым профессором и неформальными погружениями в историю, и почти физическим ощущением контакта с великими личностями, возвращение в обыденную жизнь, в жуткий офис, казалось особенно мерзкими и неуютным.

– Уж лучше с бомжами за гаражом водку пить, чем переносить очередной понедельник с традиционными насмешками и унижениями, – повторял про себя Петр Иванович, ставя по привычке в соседнем дворе свою убитую «шестерку». Понедельник вообще, как известно, день тяжелый, все раздражены, выглядят усталыми и готовы на ком–нибудь сорвать свою злость тем более, что под рукой всегда есть удобный и безропотный объект – Петр Иванович, на котором можно и отыграться, и за выходные неудачи и провалы, или свое плохое настроение. Петр Иванович всю эту эмоциональную грязь вынужден был снова и снова, терпеть и переваривать.

Однако в этот понедельник все стало складываться как–то не так. Получив обычный список покупок и других поручений, порцию оскорблений и злых шуток, Петр Иванович почувствовал, что в голове формируются абсолютно новые, неведомые ему раньше мысли и желания. Причем, формируются они помимо его собственной воли. Как будто другой человек забрался в его мозг и взял руль управления в свои твердые руки. Теперь злосчастный список, который он обычно принимал покорно и даже подобострастно, сегодня его просто бесил. У Смолян-

ского что–то щелкнуло в голове, он медленно и публично стал разрывать этот список, швыряя куски бумаги в лицо Лолы, затем оглядев окружающих, увидел невесть откуда взявшуюся биту и пристально взглянув в глаза местной фаворитке, громко, на основе ненормативной лексики, заявил всем о своем желании по полной программе вставить эту биту как можно глубже подательнице сего во все мыслимые и немыслимые места. Таких желаний за ним обычно, насколько он помнил, не водилось даже в дни глубочайшей депрессии, да и в садизме ни в молодые, ни тем более в зрелые годы он не был замечен. Но сегодня все было по–другому. Петр Иванович, уставившись стеклянным взором на растерянную секс–красавицу, медленно начал крушить мониторы и другую дорогую оргтехнику, явно намереваясь перейти от разрушения компьютеров к рожам своих мерзких коллег. Лола побледнела. Все молча наблюдали за разрастающейся грозой. Красавица–референт, что–то причитая, быстро выскочила из общего офиса. Петр Иванович же воспринимал все окружение – сотрудников фирмы, включая самого генерального и более мелких начальников, высокомерную охрану на входе, шикарные машины на стоянке как что–то уже нереальное, будто из просмотренного кинофильма.

– Надо привести все в соответствие, – услышал он опять свой голос. – Для этого надо раздолбить рожи этих пид…ов. Да, надо сначала разбить мерзкую рожу генерального. Она ему больше не понадобится, – все это Петр Иванович опять четко и громко озвучил.

Новое заявление господина Смолянского вызвало и новую волну оживления: кто–то кинулся куда–то, набирая кого–то по мобильному, другие побежали к своим машинам, а влетевший в общий зал сам Генеральный, внимательно посмотрев в глаза Петру Ивановичу, зашел в туалетную комнату, громко щелкнув дверными замками. Другой, внутри Петра Ивановича рулил им и формировал новые желания.

– Надо вообще все нах…й разрушить и изменить. А лучше взорвать всех и перейти в новую реальность. Чужой внутренний голос настойчиво повторял.

– Какие, б…дь, поручения? Какой на хрен Петруша? До чего ты дошел? В кого превратился? – стучало у него в голове.

Петр Иванович стал понимать, что сегодня произойдет такое, чего он внутренне всю жизнь желал, но и страшно боялся. Он уже был полностью заодно с рулившим им голосом, желая поскорее закончить не только эту странно развивавшуюся сцену, но и вообще эту унизительную жизнь, прожить хотя бы один день жизнью своих любимых с детства вершителей судеб. Цепляясь за это романтическое безумие и отгоняя мысль о том, что, возможно, это все–таки один из вариантов надвигающейся шизофрении, он метался между двумя безысходностями, надеясь опереться хоть на какую–то определенность.

– Может просто пришло время моего перерождения, – с надеждой буравила мозг новая мысль. А вдруг получится. Как получится, и почему может получиться, и, вообще, что это такое таинственное перерождение, – на все эти вопросы ни сам Петр Иванович, ни таинственный голос в тот момент ответа не дали. Но безумная надежда перебраться в другую реальность, в другую судьбу, в оболочку синих супер–существ, как тот солдат–инвалид из фантастического иностранного боевика, который Петр Иванович просмотрел в ближайшем кинотеатре подряд пять раз, эта надежда словно молотком стучала в голове.

Он слабо помнил, как вышел из офиса, где его никто не задержал, и даже крутая охрана молча проводила его одобрительными, как ему показалось, взглядами. Он не помнил, как сел в машину и завел ее. Пробиваясь через московские пробки, он, почему–то, двигался в сторону области, а в его голове словно бегущая строка снова и снова выстраивался какой–то безумный исторический ряд из великих воинов, политиков, путешественников, царей и императоров. Затем в мыслях стал мелькать безумный профессор Занесский, Лола со своими друзьями, знакомые бомжи, мелькнул и Миша Абрамзон. Лента постоянно убыстрялась, менялись персоналии, то замедляясь на отдельных персонажах, то резко убыстрялась на других. Выйдя на трассу, он до максимума увеличил скорость, выжимая из старой «шестерки» все, на что она

была еще способна. Он стал ощущать жар по всему телу, который медленно разливался, заполняя каждую его клетку. В голове упорно стучал один и тот же вопрос.

– Почему, почему я превратился в забитого, маленького, мерзкого и трусливого человечка? Где мои герои? Почему я не один из них?

Затем был яркий свет, какая–то вспышка, наплывающая горячая волна, тишина и полная, абсолютная пустота, которая как вата окутала его.

– Ну, вот оно, началось или все закончилось, – мелькнула мысль в угасающем сознании …….

Глава II. Степная Сага

Запах трав, несущийся табун лошадей с всадниками, мелькающие одинокие юрты и яркое синее небо – такого колорита Петр Иванович не видел и не чувствовал никогда в своей жизни. Гремучая смесь новых ощущений как лавина обрушилась на него, он будто врос в тело мощного, почему–то рыжеволосого, монгола, ловко скачущего в центре основной группы. Он физически чувствовал Степь, ее дыхание, ее энергетику, которая мощным потоком вливалась в каждую его клетку. Руки, уверенно сжимавшие поводья, были сильны. Тело – словно вылито из стали и соткано из крепких канатов. Но самое удивительное было то, что он, одновременно, ощущал себя и Петром Иванович Смолянским и неведомым ему пока монгольским кочевником, и судя по дорогим доспехам, шлему, украшенному колчану со стрелами и луком, бывшим далеко не рядовым воином.

Он слышал, как оказалось, монгольскую речь, как ни странно, прекрасно понимая ее. Он до мелочей знал, что и кто его окружает, мысленно вспоминая кровавые схватки и длительные, изнурительные походы. Один поток мыслей, образов и эмоций Смолянского каким–то удивительным образом сплетался с другим потоком воспоминаний этого всадника, усиливая ощущение безумной раздвоенности. При этом физически Петр Иванович ощущал себя исключительно в одном измерении – в теле могучего монгольского кочевника. И тут никакой раздвоенности не было абсолютно, что в известной мере его радовало, поскольку атлетических данных Петр Иванович, так и не приобрел, хотя и пытался иногда делать два – три приседания раз в месяц.

– Неужели получился «монгольский аватар»? – с ужасом и одновременно с привкусом радости и надежды крутился в голове немой вопрос. И все ощущения свидетельствовали в пользу положительного ответа. Петр Иванович словно листал неизвестную «книгу» истории могучего кочевника. Он слышал не только далекие и близкие воспоминания, но и чувствовал его эмоции, уже абсолютно не сомневаясь, в оболочку какого великого завоевателя он так нахально попал. Да, это был покоритель сотен народов и государств, основатель самой большой мировой империи – великий Чингисхан[3].

[3] Чингисхан (1162–1227 гг.) – основатель монгольской империи

Сознание Петра Ивановича быстро переваривало, хлынувшую, словно поток реки, разнообразную информацию.

– Похоже, то, о чем я мечтал всю свою жизнь, каким–то мистическим и безумным образом сбывается, и я стал некоей частичкой великого завоевателя, – констатировал он – Непонятно, правда, как эта «частичка», то есть я попал в XIII век, что будет дальше и как вообще теперь отсюда выбираться?

Уже по первым признакам и рефлексам было понятно, что, что–то советовать, как–то влиять, а тем более предпринимать любые физические действия помимо воли самого Тэмучжина, Смолянский при всем желании не мог, да и особенно не хотел. Но, при этом, весь спектр чувств и физических ощущений великого хана он переживал реально, можно сказать синхронно, выражаясь языком XXI века – в режиме офлайн.

С одной стороны, это тревожило Петра Ивановича, поскольку из многих прочитанных книг он знал, каким отважным был Тэмучжин, получая ранения и мужественно перенося лишения, выпавшие на его долю, несмотря на свой ханский титул. И не будучи человеком героическим, Петр Иванович с трудом представлял себя, израненного и покалеченного, но героически идущего в бой. С другой стороны, из тех же источников он помнил, каким любвеобильным был предводитель монголов. И эта часть информации несколько согревала его,

компенсируя страхи получить увечья и прочие неприятности. Более того, он, разжигая уже свои, Петра Ивановича, нездоровые сексуальные желания и фантазии, начал перебирать неведомых ему пока красавиц–жен и достаточно большой, как он не без оснований предполагал, интернациональный гарем плененных дев.

— Это же, сколько надо силы, чтобы всех осчастливить. Да он, наверное, просто жеребец, – подумал Петр Иванович, теоретически проецируя это качество на себя. Прямым физическим подтверждением правильности его хода мыслей стали давно забытые, но в данную минуту просто нахлынувшие на него «лошадиные ощущения» мужчины, сожравшего за раз упаковку виагры. При этом, понимая, что в XIII веке вряд ли фармацевтика у кочевников была повседневным и обычным явлением, в отличие от XXI века, он с большим удовлетворением еще раз констатировал, что боевое мужское состояние, видимо, имеет место в могучем теле Тэмучжина постоянно. И Петр Иванович также стал гордо ощущать себя супермужчиной, который, с легкой руки, а точнее, другой части тела великого хана, уже готов был победить не один десяток персидских наложниц.

Однако самым главным преимуществом нашего героя, было то, что он кроме давно минувших воспоминаний, слышал и самые потаенные мысли завоевателя. Мозг Тэмучжина был полностью открыт для Петра Ивановича. Это приводило его, с одной стороны, в дикий восторг, а с другой, наводило ужас от открывающихся темных сторон этого человека, включая многие мерзости и «утонченные» технологии отъема человеческих жизней, захвата неприступных крепостей и прочих военных хитростей. Что бы хоть как–то успокоить себя, он начал вспоминать отрывки из прочитанного и услышанного от московского профессора о Чингисхане: кого и когда он завоевывал, какие ранения получал, сколько было лет, когда вступил на ханский престол и во сколько лет умер.

– И, о, Боже! Могила, неизвестная могила, – вспомнил Петр Иванович особый «перл» профессора, в которую захоронили великого монгола, прогнав сверху табун лошадей, – почему–то это особенно его взволновало и привело в уныние, словно уже завтра этот злосчастный табун будет нестись не по телу Чингисхана, а по несчастному и убиенному ни за что Петру Ивановичу.

Однако, взяв себя в руки, которых, впрочем, у него в данный момент не было, Петр Иванович начал рассуждать:

– Видимо, впереди еще очень много сражений, должно быть покорение разных народов и до его смертельного ранения, похоже, еще далеко. Ему сейчас, судя по бодрым ощущениям, примерно лет 40–45, ну, не больше 50. Умер он, как говорил профессор Занесский, вроде в 65–66 лет. Так что еще есть время. Это уже неплохо, – резюмировал Петр Иванович.

И, немного успокоившись, Смолянский полностью погрузился в сознание монгольского хана, полагая, что тот все сделает так, как положено, исходя из закономерностей исторического процесса, который менять уже категорически нельзя. Тем более, что и изменить их, Петр Иванович, при всем желании пока не мог.

Перед Петром Ивановичем мелькали картины детства жестокого и беспощадного воина, когда Тэмучжина, девятилетнего мальчика, словно одинокого волчонка, после убийства татарами отца, отдали в рабство в соседний клан. Как его полгода держали в колодках, словно зверя на потеху и как он чудом спасся, долго скрываясь от преследователей. Это был первый урок выживания. Он был из породы монголов «черной кости», то есть низшего, незнатного рода. Петр Иванович видел картинки постоянных побоев и унижений Тэмучжина внутри семьи со стороны старшего сводного брата Бегтэра, представителя «белой кости», матерью которого была одна из жен покойного отца из более знатного рода. Девятилетний мальчик трепетно и заботливо относился к единственному и самому дорогому для него человеку, которого он

любил больше всего на свете, своей родной маме – Оэлун[4], которую в свое время силой похитил покойный отец, отбив в степи у законного жениха.

Смолянский открыл «страницу», на которой Тэмучжину было девять лет, а его маме – двадцать семь. Она была привлекательной, молодой женщиной, которую после смерти отца должен был взять в жены один из его братьев. Но братья отказались от нее, возможно, из–за более низкого происхождения. И тогда, по закону Степи, мужчиной для мамы Тэмучжина и главой семьи должен был стать главный его враг – сводный брат, ненавистный Бэгтэр, постоянно унижавший и избивавший его. Все существо мальчика кипело от злобы и негодования, он не мог представить как Бэгтэр, которому исполнилось только 12 лет, этот хитрый и трусливый Бэгтэр, будет регулярно владеть ею как женщиной. Его мозг просто разрывался от мерзких картин, которые старший брат регулярно и с наслаждением, расписывая пикантные подробности, рассказывал всем за чашкой горячего, соленого, сдобренного молоком, чая. Именно тогда, сам того не ведая, Бэгтэр и подписал себе смертный приговор.

Маленький воин хладнокровно и расчетливо спланировал его убийство. Тэмучжин под предлогом охоты, выманил Бэгтэра, подальше от юрты, чтобы не услышали мать и сестры. Затем вместе с младшим братом, пронзив Бэгтера стрелами, они добили его на соседнем холме, оставив смертельно раненого умирать. Это убийство вызвало гнев всех соседних племен, поскольку было нарушено веками существовавшее табу – женщина после смерти главы семьи должна перейти или к брату покойного или к старшему неродному сыну. У монголов было принято, что более опытная женщина приучает молодого юношу к мужским делам. Но этот поступок, фактически, обрек Тэмучжина и его семью на голод и смерть, они были объявлены вне закона, вынуждены были откочевать на самые отдаленные северные стойбища, где мало было корма для скота и лошадей. На местном дугуйлане[5]на них была объявлена охота и каждый, кто смог бы выследить и убить Тэмучжина, имел право забрать все, что имела эта семья, а детей и Оэлун забрать себе в рабство. Удивительно, но он, его мать и его младшие браться выдержали это страшное испытание. Тэмучжин в 10 лет стал виртуозным охотником, он добывал пропитание там, где его никто из соседних монгольских охотников добыть бы не смог. Это был второй урок выживания маленького воина.

Время шло, вина Тэмучжина понемногу забывалась, поскольку он взрослел, набирал силу и авторитет у монгольских кланов. Его считали одним из сильнейших воинов в округе и хорошим командиром, способным быстро собрать небольшой отряд. Перед Петром Ивановичем промелькнули и более поздние картины – похищение первой жены Тэмучжина Бортэ, которую он затем вернул через год, отбив у неприятеля, но вернул беременной от другого. И когда она родила сына Джучи, он вынужден был публично признать его своим. Так требовали предсказания шаманов, ссылаясь на волю духов и Неба, так хотели и старейшины дугуйлана, куда по традиции входили наиболее авторитетные монголы. И двадцати двухлетний Тэмучжин, выполнив все пожелания, был вознагражден. Через год Бортэ родила уже от него второго сына – Чагадая, а затем были еще два – Чжучи и Тулуй. Он смог создать свой первый улус[6], стал еще быстрее набирать силу и авторитет у соседних кланов и племен.

Между тем плавное течение мыслей Смолянского и изучение детско–юношеского «досье» своего «хозяина» было нарушено стремительно развивавшимися событиями. Вселился он в монгольского предводителя, как он понял, в не очень подходящее время, в день одного из важных сражений Чингисхана с его непримиримыми врагами – племенами найманов во главе с Буйрук–ханом[7]. И сражение как раз и набирало ход.

---

[4] Оэлун (1140–1208 гг.) - мать Тэмучжина

[5] Дугуйлан – традиционный степной «парламент» из монгольских старейшин, садящихся во время заседания в круг.

[6] Улус – степное государство у монголов

[7] Буйрук – хан (1198–1208) – вождь племени найманов, живших в Западной Монголии

Смолянский видел, как в нескольких метрах слева от него скакал всадник с двумя колчанами стрел, в панцире и копьем, имевшим на конце острый стальной крюк. Это был командир 1–го тумэна[8]Субэдей, которого он, точнее Чингисхан, поднял из рядовых воинов за отвагу, преданность и искусство стрельбы до высокого ранга. По флангам скакали Сорган – Шира и Джэлмэ, ведущих свои тумэны. Каждый из них на всем скаку одной стрелой мог точно поразить в горло или другое незащищенное место врага с 200–250 метров. Чингисхан не любил входить в плотный боевой контакт с противником. Его излюбленным приемом было постоянное движением и быстрые маневры его конниц. Он постоянно комбинировал и менял маршруты отрядов, при этом монгольские лучники осыпали градом стрел неприятеля, который на этом расстоянии не мог ответить адекватно. Любимым приемом Тэмучжина, как понял Петр Иванович из обрывочных мыслей хана, было сочетание двух тактик – «реки» и «копья». В первом случае всадники хана растягивались в несколько максимально длинных цепей, заставляя неприятеля делать то же самое, чтобы не попасть в окружение. При этом, используя преимущество в скорости, дальности и точности стрельбы, первая монгольская волна, выпустив смертоносный град стрел, тут же уступала место второму эшелону, который в свою очередь, отстрелявшись, менялся с третьим. Таким образом, противник находился под постоянным прессингом стрел, неся существенные потери. И даже латы европейских воинов – рыцарей не спасали их от смертельных ранений. Петр Иванович с удивлением узнал, что монгольский лук, сделанный по особой технологии с костяными накладками, со специальной тетивой и стрелами различной длинны, во много раз превосходили луки западных противников. А тактика «копья» завершала то, что было сделано в ходе использования «реки», когда все цепи стремительно сливались в одну колонну, во главе которой находилась тяжелая конница и на огромной скорости врывались в наиболее уязвимое место врага.

– «Копье» и «река» сегодня не нужны, – услышал Смолянский голос хана, – сегодня мои враги – кочевники, это не земляные черви Бухары или Китая, для них нужен другой удар.

Чингисхан понимал, что опытный Буйрук–хан со своим войском был готов достойно его встретить. И пока две конницы на бешенной скорости неслись навстречу друг другу, в голове Тэмучжина стучала одна и та же мысль – тулугмаа тулугмаа, тулугмаа[9]…, то есть быстрый маневр одного из тумэнов в обход правого неприятельского фланга и нанесение в этом месте сокрушительного, а главное – неожиданного удара. Все это за доли секунд «считал» Петр Иванович в голове великого полководца.

Смолянский понял, что Тэмучжин не один раз уже использовал эту тактику против войск кочевников, и она всегда приносила ему успех. Петр Иванович, заглянув в историю подготовки этого сражения, увидел, как в ханской юрте он в подробностях обсуждал все детали этого маневра со своими командирами, которых он лично хорошо знал и выдвинул каждого в свое время за талант и заслуги, не по аристократическому происхождению, как это практиковалось раньше в степных войсках, а по смелости и таланту. Чулуун–батор, который и должен был обойти с фланга неприятеля, получил от хана отборную тысячу легкой кавалерии и именно его маневр должен был решить исход боя.

Впереди уже показались пики и развевающиеся стяги найманов. Тэмучжин боковым зрением видел, как по обе стороны его плотно прикрывала сотня отборных воинов – его личная гвардия, прошедшая через горнила многих сражений и не имевшая равных как в верховой езде, так и сабельной и кинжальной сече. Эта сотня стоила тысячи обычных бойцов. Петр Иванович увидел, как была пущена зажженная смолянистая стрела, – знак для бокового маневра. Не успела сигнальная стрела упасть, неожиданно для противника правый фланг армии Тэмучжина

[8] Войско из 10 тысяч всадников

[9] Тугулмаа – быстрый маневр конницы (монг.)

стал стремительно отделяться от основной, и резко уходить вправо, а затем по дуге на огромной скорости заходить практически в тыл противника.

Смолянский с ужасом смотрел как основная масса воинов Тэмучжина и передовой отряд найманов со свистом и скрежетом, словно звери врезались друг в друга. От схлестнувшихся сабель, щитов и лат, от страшных криков боли воздух звенел как натянутая тетива. Был слышен характерный звук металла входящего в живую человеческую плоть, кругом разливалась звериная ярость и смерть. Через час стало ясно, что великий хан одерживает очередную победу, добивая убегающих вражеских всадников, для которого это была не просто победа, это была очередная порция какого–то наркотического безумия, сладко обжигающего все его существо. Он вырос в битвах, он в них закалился, он насквозь был пропитан этой энергией схватки, чего постоянно ждал и желал. Он жил от битвы, до битвы, и уже не мог без этого пожирающего огня. В этом был смысл его жизни, его существования.

Все это в один миг прочувствовал Петр Иванович, через которого энергия сражения прошла, словно радиация взорвавшегося Чернобыля. Он физически ощутил себя частью монгольского хана. Он слышал все команды Тэмучжина, он ощущал все, что пережил Чингисхан в ключевые моменты великой для него битвы. И от всего этого Смолянский мог просто сойти с ума, потому что такую дикую концентрацию адреналина и чего–то еще, связанного с кровью и какими–то шаманскими заклинаниями, Петр Иванович не получал никогда в жизни. Он, как и монгольский предводитель, был охвачен желанием убивать, жаждой крови, жаждой смерти противника. И нахлынувшая радость победы, за себя и «своих» людей (да, монгольских воинов он стал воспринимать своими!), с такой же силой, как и монгольского хана, захлестнула его. И никакой робости, никакого страха, только абсолютный и холодный расчет, ярость и гордость за него – Тэмучжина, и за себя – Петра Ивановича Смолянского, который в эту минуту уже им и не был. Вместо трусливого маленького человека родился кто–то другой, преодолевший свое рабство и унижение. И это было начало его первого перерождения.

Смолянский все глубже погружался в сущность этого завоевателя. Он отчетливо понимал, что Чингисхан не любил войны с городами и крепостями, поскольку исчезал один из его козырей – динамика, быстрота и внезапность. Но и в войнах этой категории он изобрел ряд универсальных способов победы. Великий хан понял, что чисто физически, в плане выносливости, смелости, быстроты и многих других компонентов, один монгольский даже рядовой воин–кочевник был равен примерно трем – четырем западным ратникам, хорезмийским (центрально–азиатским) или китайским солдатам, поэтому превосходство противника в численности, иногда в четыре – пять раз, никогда его не пугала. Чингисхан всегда побеждал, имея меньшее по числу войско. Он быстро научился использовать знания захваченных в плен китайских, арабских и других иноземных инженеров по строительству различных осадных орудий и их использования во время осады. И если крепость или крупная столица добровольно не сдавалась хану, он начинал на месте строить катапульты, мортиры и прочие приспособления. Все монгольские воины знали, что предводитель бережет каждого воина, что он никогда не позволит просто так рисковать даже одним монгольским всадником. Жизнь монгола была очень ценна, это было в крови, в подсознании кочевника, включая их предводителя. Великий завоеватель всей своей сущностью, своим сердцем понимал, что монголы, это не китайцы или персы, которых миллионы и миллионы, которых их императоры и шахи, не задумываясь, как живое мясо, бросали против противника. Нет, он ценил жизнь воинов. Явным козырем Чингисхана были его степные законы. Он отменил кланы, степную аристократию и командирами, от десятника до тысячника могли стать все, кто заслужил это своими способностями и талантом. Чингисхан создал уникальную десятеричную систему в войсках – основная ячейка – десятка воинов, которая была единым живым организмом в бою. Смолянский с удивлением обнаружил наличие абсолютной, четко отработанной вертикали в войске кочевников, которая строилась

по системе: арбан – джаун – минган – тумэн – тук[10]. Ни один всадник не мог самовольно выйти из десятки, испугаться или отступить, поскольку знал, что головы будут отрублены у всех. Так же действовали десять десятков, которые также сливались в единый и живой организм – сотню. И в этой сотне понимали, что ждет всех, если хоть одна частичка из этой сотни отойдет в сторону. А десять сотен сливались в одну тысячу. Фактически, войско Чингисхана, Петр Иванович чувствовал это просто физически, было единым живым организмом, слитым кровью и плотью, жесточайшей дисциплиной всех, от десяти всадников до ста тысяч, что делало его армию практически неуязвимой и быстро управляемой. Команды распространялись словно нейроны, несущиеся в сети головного мозга, передающие нужные импульсы двигательным центрам. Армада всадников могла мгновенно рассыпаться как сотни ртутных шариков по степи, и могла с такой же быстротой слиться в единый кулак. Такой быстроты, дисциплины и слаженности не было тогда ни у кого в мире.

– Да, это великая армия и великий предводитель! – Подумал Смолянский. – Почему у нас так восхваляли Александра Македонского и так ругали Чингисхана? Они ведь, по сути, делали одно дело, – создавали свои империи, тот и другой пролили море крови, но почему–то первый у меня в голове со школьных лет остался чуть ли не освободителем греков, принесший культуру на Ближний Восток, а «мой» Чингисхан – каким–то извергом и врагом всего человечества. Неправильно это, – снова и снова вставал на защиту своего «хозяина» Петр Иванович.

– Наверно все дело в нашей европейской природе, все что было в истории с Востока – было плохо и ужасно, а то, что с Запада – было хорошо и полезно. А отдельные там жертвы и разрушения…, ну, бывает, они же ради благородных целей и пр. Вот и получилось, Александр Македонский – благородный «разведчик» в тылу врага, а Чингисхан – грязный, отсталый и мерзкий варвар и шпион, – подвел итог своим «адвокатским» размышлениям Петр Иванович.

Смолянский видел, как справа во весь опор скакал другой верный тысячник Баатачулуун. Вспоминая недавний изнурительный поход во владения Хорезм – шаха на Бухару, когда монголы решили преодолеть Красную пустыню длинною в две тысячи километров, которую даже торговые караваны обходили стороной. Чингис–хан, чтобы несколько облегчить нехватку воды, выступил в зимнее время. В этот период в пустыне утром была роса и немного воды на камнях, которую пили лошади – главная ценность войск Тэмучжина. Отправив основные силы на осаду окраинных крепостей Хорезм–шаха, он с легкой конницей дерзким маршем пошел по тяжелейшему маршруту на Бухару, ежесуточно (поскольку шли и ночью, засыпая в седле) преодолевая по 250–300 км. Каждый всадник имел бурдюк с водой, небольшой запас еды и две–три лошади в качестве запасной (живой) пищи и воды. Тэмучжин хорошо помнил, когда его вторая лошадь замертво упала, а провизия и вода давно закончились, Баатачулуун отдал ему своего запасного скакуна, спасая, фактически, ему жизнь. Тэмучжин из последних сил надрезал на шее коня толстую артерию пил, пил и пил бьющую фонтаном горячую, густую кровь, быстро восстанавливающую силы, и он вновь сутками мог идти вперед, а главное сражаться и побеждать. И они дошли до оазиса, в центре которого возвышалась Бухара.

Смолянский с явным удовольствием успел посмотреть и «фильм» о взятии хорезмской столицы. Слухи о приближении монголов уже дошли до жителей Бухары, часть из них разбежалась. Другие в панике добровольно открыли ворота. Оставалась только шахская гвардия, укрывшаяся за высокими стенами основной цитадели. Монголы уже не торопились, накормили коней, стали строить различные осадные машины для окончательного штурма. Коварный шах, казнивший мирных послов Великого хана, отправленных им для переговоров, вызвал тогда у Чингисхана такую волну гнева, что он готов был разрушить не только столицу шаха, но и выжечь огнем саму память о нем и его предках. Больше всего он ненавидел вероломство, предательство и трусость. Уважал смелость и отвагу, даже своих врагов. В одной из битв в ногу его

[10] десять – сто – тысяча – десять тысяч – сто тысяч человек

поразила стрела, вторая смертельно ранила его скакуна, который упал замертво, чуть не придавив его своим телом. Выбравшись из–под мертвого коня, он все–таки победоносно завершил сражение, пленив, оставшихся в живых воинов. Выйдя перед поредевшим строем, он спросил:

– Кто тот стрелок, который ранил меня? Покажите его тело. К его удивлению, к нему вышел воин и сказал, что он и есть тот стрелок и именно он хотел убить его. Смелость и мужество удивили великого хана, он не только сохранил ему жизнь, но и взял на службу. Бату, так звали этого воина, который верой и правдой служил ему, став командиром сотни всадников. Чутье на верных людей никогда не подводило хана. Все это Петр Иванович слышал, впитывал и переваривал, между делом рассуждая о превратностях своей судьбы. Между тем кровавая схватка с найманами по всем признакам постепенно заканчивалась. Отдельные отряды противника были разбиты, другие вместе со своим предводителем Буйрук – ханом уходили от погони.

Только сейчас, когда азарт и энергия сражения стали ослабевать, Петр Иванович почувствовал, что в левой ноге торчит стрела, а любое движение правой рукой доставляет сильную боль. Он вспомнил, как Тэмучжин за долю секунды до страшного встречного удара ловко уклонился влево от сабли всадника, которая прошлась по касательной, но все–таки зацепила правое плечо, разбив часть защитной пластины на предплечье. Кроме ранения стрелой в ногу, пострадал и скакун, в крупе которого также торчало несколько стрел. Видимо, они прилетели в заключительной фазе сражения, когда Чингисхан и его личная гвардия отходили с первых атакующих линий. Тэмучжин не очень любил участвовать в концовках сражений, когда исход битвы был ясен, поручая завершать дело своим командирам.

Смолянский огляделся вокруг, картина была жутковатая – тысячи мертвых и раненых воинов. Умирающие кричали, стонали, звали на помощь, здесь были и монголы, и воины Буйрук – хана. Куски мяса, отрубленные руки, туши мертвых или погибающих лошадей создавали картину какого–то фильма ужасов, только не кинематографического, а реального, от чего Петру Ивановичу становилось совсем плохо. В отличие от Смолянского Тэмучжин был абсолютно спокоен, отдавая четкие команды. Быстро был поставлен монгольский полевой госпиталь из легких походных юрт, мертвых воинов готовили к захоронению, появились шаманы, которые начали свои камлания с бубнами и другими языческими тотемами. Самому Тэмучжину также соорудили большую юрту, куда явилось три врачевателя, вызвавшие, несмотря на ранение, у Петра Ивановича живой интерес. Главным из этой троицы был верховный шаман Кокочу, имя которого Смолянский услышал у Тэмучжина. Лет 45–50, одетый в шкуры с большим количеством веревочек, свитых из конского волоса, с пронзительным взглядом и каким–то хриплым, проникающим в головы слушателей голосом.

– А вот и ты, хитрый лис Кокочу, – услышал Смолянский мысли монгольского предводителя, – да, все твои предсказания на успех битвы сбылись, получишь обещанный дар – гарем из тридцати красивых женщин и девять белых кобылиц.

Кокочу, между тем, принялся наяривать в бубен, завывая и издавая какие–то космические гортанные звуки.

– Да, друг мой, – подумал Смолянский, – бубном и плясками ты так меня долго будешь лечить. И тут Петр Иванович с ужасом осознал, в какую очередную ловушку он попал.

– А как и чем лечить? Какие антисептики, какие к черту обезболивающие? Какие антибиотики? Ничего же еще нет и в помине! Небольшая рана, которая в наше время пустяк для врачей, сейчас смертный приговор! Хорошо, хоть мой «старший товарищ» должен по идее умереть не в этот раз и не в этой юрте, если, конечно, прав мой московский друг Занесский.

Но, поскольку у Смолянского не было сомнений в профессиональной компетенции профессора, точно и в деталях описавшего последний поход и кончину Чингисхана, он немного успокоился. Тем более, что как оказалось, главную миссию врачевания стали исполнять два других и, похоже, настоящих лекаря. Один был из Персии, второй из Китая и у каждого были какие–то свои мешочки, какие–то ящички с травами, порошками. Они быстро приготовили

на огне пахучие зелья, и заставили Смолянского – Тэмучжина выпить горячую, вонючую жидкость, от которой сразу стало хорошо, спокойно и как–то безразлично, что будут с ним дальше делать. Когда извлекли стрелу, Петру Ивановичу было больно, но терпимо, видимо, действовала какая–то местная средневековая анестезия. Все обработали и залепили липкой массой белого цвета. С рукой было сложнее, поскольку лекари производили очень болезненные манипуляции, то ли вправляя ее, то ли купируя место удара. Смолянский плохо соображал от вновь нахлынувшей боли, искры летели из глаз.

– Господи, дай мне силы перетерпеть весь этот ужас! – постоянно думал он. Тут он снова невольно вернулся к мысли о той жуткой ловушке, в которую он вольно или невольно попал.

– Я ведь пока не знаю, как вообще выбраться из этого тела, и возможно ли это вообще. А если бы я очутился в каком–нибудь великом человеке, сжигаемом на костре инквизиции, типа Джордано Бруно или каких–нибудь мучеников? И как мне быть? Ничего личного, дорогой Тэмучжин, я, конечно, тебя уважаю, но хотел бы в определенный момент попрощаться. Одна только эта маленькая операция вынесла мне мозг, а если что посерьезнее? – И от этого формально риторического, но такого конкретного и жуткого вопроса у Смолянского все похолодело внутри.

Между тем сам монгольский хан совершенно спокойно переносил все тяготы медицинских манипуляций, воспринимая их как уже привычное, обыденное дело. Наоборот, получив дозу расслабляющего эликсира, он погрузился в свои приятные воспоминания, окутав ими и своего внутреннего «попутчика» – Петра Ивановича Смолянского.

Чингисхан вспоминал, как он всегда исполняет некий ритуал после захвата особенно сложных крепостей или городов. Он приказывал собраться самым богатым и знатным жителям, чтобы те кормили и поили лошадей его воинов в их дворцах и больших религиозных домах. Причем воины не спешивались, а наблюдали эту картину сверху, сидя на своих боевых скакунах. Петр Иванович, анализируя эти воспоминания, понял, что для кочевника побежденный враг, который кормит твою лошадь, это не просто жест унижения, это символ превосходства и силы Чингисхана и его народа, его образа жизни над этими земляными и торгашескими «червями». Своего же коня предводитель заставлял кормить и поить в самом большом и высоком дворце, который он лично выбирал и, не слезая со скакуна, въезжал в главную залу, собирая местную знать. Как правило, эта была либо центральная мечеть, либо дворец местного царя или шаха. Тэмучжин никак не мог понять эти народы, среди которых своим опытным взглядом видел, несомненно, людей талантливых и умных, но, почему они по собственной воле запирали себя в эти гигантские каменные темницы? Почему они привязывали себя к какому–то куску земли и всю жизнь как черви возились на ней, проливая сто потов, взращивая и ухаживая за растущей едой, которую называли «урожаем»?

– Вокруг столько пищи, табуны жирных овец, верблюдов, которые можно легко брать круглый год, в любом количестве. За что и кого они сражаются – за эти каменные темницы или трусливого и продажного владыку, который стоит сейчас передо мной на коленях и кормит овсом моего жеребца? – «слышал» Смолянский воспоминания Чингисхана.

– Что еще нужно человеку: сытые и быстрые кони, вдоволь жирного скота, много еды, много хороших пастбищ, свобода и простор, красивые женщины, которые каждый год рожают тебе здоровых детей. Глупые и недостойные люди, – такова была оценка кочевника.

Покоряя оседлые народы, Чингис–хан открыл для себя и другую удивительную тогда для него вещь — неимоверно низкую цену за человеческую жизнь людей этих оседлых государств, неважно кем они были – крестьянами, воинами, чиновниками или кем–то еще. Для монгола, где на сотни километров можно иногда встретить всего лишь две–три кочующих семьи, цена жизни кочевника была неимоверно высока, и такое расточительство людьми просто не укладывалось в голове великого завоевателя. Особенно это явление поразило его, когда он захватывал один город за другим в северном Китае. Он был поражен тем, что жизнь простого китайца

для их императора вообще ничего не стоила. И Чингисхан стал использовать этот человеческий материал против стократно превосходящего противника. Великий хан заваливал горами китайских трупов рвы и из них же делал горы, по которым монгольские всадники взбирались на защитные стены. Он собирал десятки, иногда сотни тысяч простых китайцев и гнал их перед монгольской конницей, прикрываясь ими словно живым щитом. И они почти все погибали под стрелами своих же воинов. И Чингисхана уже это не удивляло. Он знал, что местные правители легко отдавали жизни сотен тысяч своих подданных, отдавали как мясо, как скот на убой, не задумываясь и не сожалея ни секунды. Тэмучжин, как кочевник и скотовод в душе сделал для себя простой вывод, что для любого китайского правителя цена жизни его подданного в десятки, а, возможно, в сотни раз меньше, чем цена за лошадь из монгольского табуна. И поэтому он также стал воспринимать завоеванный оседлый народ как дешевый скот, которому нужен пастух, чтобы повести это стадо туда, куда ему нужно. При этом великий хан видел, что среди китайцев есть и искусные инженеры, которых он использовал для строительства осадных орудий, и прекрасные врачи–целители, и мудрые ученые, составлявшие географические карты и точно определявшие его военные маршруты. Что в этой огромной стране создано столько полезных и ценных вещей, которые кочевники не видели никогда. Например, черный порошок, взрывающийся огнем и дымом. Китайцы быстро научили его, как делать из этого порошка свертки, которые можно закладывать под стены или ворота, взрывая их. Он с большим удовольствием пил чай или вино из тончайших чаш, которых раньше никогда не видел. Но особенно Чингисхана поразила нежнейшая, легкая и, одновременно, очень прочная ткань. Великий хан с помощью китайских мудрецов выяснил, что стрела, не разрывая ткани, вместе с шелком входила на небольшое расстояние в тело воина, и лекари затем легко извлекали наконечник вместе с этой удивительной тканью, сохраняя многие, многие жизни. Отныне Чингисхан обязал всех своих воинов перед сражениями плотно обматывать себя этой волшебной тканью и только после этого одевать доспехи. Понадобилось много волшебной ткани и десятки груженых караванов, пришедших из Китая по приказу монгольского императора в его ставку, которые доставляли сотни туго свернутых рулонов этого удивительного китайского изобретения.

– Да, у китайцев Чингисхан очень многому научился, – подумал Петр Иванович, просматривая жестокие картины, которые словно кипятком обжигали его. Это были сцены казней пленников хана. Он, практически наяву, наблюдал, как каждого мужчину ставили около оси колеса повозки диаметром примерно 85–90 см и тому, кто был выше верхней оси, а таких было большинство, отсекали голову. Стариков и детей Чингисхан не трогал. Они не представляли угрозы. Великий хан был жесток, хитер и очень расчетлив. Он любил только свой народ – монгольских кочевников, которые тогда еще не верили ни в Будду, ни в Христа, ни в Аллаха, а главным божество для них был Великий Тэнгри[11], который даровал и жизнь, и смерть. Но и в отношении самих монголов и других подвластных ему кочевников Чингисхан не был добрым раввином из городской синагоги. Он ввел степные законы, по которым любое преступление – кража, предательство, убийство родственников и многое другое каралось смертью, либо, если повезет, отсечением руки.

Ритуал великого завоевателя, связанный с пленением красивых женщин, несмотря на тревожные мысли Смолянского о том, как выбраться из опасного тела, заинтересовал Петра Ивановича. Тэмучжин отбирал дочерей и молодых жен местных вельмож и как дары раздавал своим лучшим командирам и воинам. Сам он, до восшествия на императорский престол[12]и обретения высшего титула, обходился одной женой Бортэ, с которой был «обвенчан» с девяти

[11] Великий Тенгри – высший языческий символ монголов - Небо

[12] В 1197 г. на Курултае Тэмучжин был избран ханом частью кланов, а в 1206 г. на Большом Курултае провозглашен Чингисханом

лет. Они любили друг друга, но время шло, и положение Тэмучжина требовало заключения новых браков с принцессами царей и шахов покоренных народов и государств. У Чингисхана появились младшие жены, число которых по мере расширения его империи постепенно увеличивалось. Бортэ оставалась старшей женой, и только ее дети были законными наследниками великого хана. Одновременно у него появились и первые наложницы, которые не несли никаких политических функций, а были дарованы ему в качестве трофеев, которые раздвинули для Тэмучжина рамки удовольствий, о которых он раньше даже и не подозревал. Оказалось, что мир любви был столь же разнообразен, как и мир завоеванных им народов. Индийские и персидские молодые девы вытворяли такое, о чем даже не мог подумать относительно целомудренный кочевник. Но Тэмучжин быстро учился и не только на полях сражений, но и в постельных битвах, совершенствуя свое мужское искусство, от которого ежегодно беременели сотни красавиц всех мастей, цвета волос и кожи. На места отяжелевших дев доставлялись новые, и вокруг главного Золотого Шатра Чингис–хана каждый месяц появлялись юрты, из которых доносились звонкие крики новорожденных детей чингисхановской крови. И судя по всему, эти битвы все больше и больше увлекали полководца. Покоренные правители боролись за честь лично доставить в его столицу Каракорум новых ослепительных наложниц, обладавших особыми знаниями и навыками. Бортэ на все это безобразие смотрела спокойно и даже снисходительно, понимая, что ее позиция и позиции ее четырех сыновей неприкосновенны и незыблемы.

Петр Иванович с особенным удовольствием погрузился в эту часть воспоминаний хана, смакуя эротические чудеса волшебниц индийской Камасутры и китайской Хуанхэ, которые демонстрировали кудесницы в любое время дня и ночи по первому зову великого владыки Степи. При этом у Петра Ивановича при просмотре очередного «порнофильма» XIII века с участием в главной роли великого хана вдруг мелькнула сумасшедшая мысль:

– Интересно, – подумал он, – выдержала бы наша Лола Зыгарь конкуренцию в гареме и вообще, приглянулась или нет Великому хану? Вопрос был, с одной стороны, риторический, но, с другой, принципиальный, особенно с точки зрения возможности перемещения известных ему лиц во времени и пространстве.

– Со мной же это случилось, – со злостью, вспоминая свою петушиную «кличку», подумал Петр Иванович, – почему бы не забросить эту грудастую сучку сюда в XIII век, так сказать, за компанию. Но для гарема Чингисхана ей еще рано, а вот в сотню голодных и охочих до женщин татар – союзников хана, переместить можно, – четко сформулировал свое пожелание Петр Иванович, мысленно послав сгусток энергии в пространство.

– В общем, если получится, пусть узнает настоящую мужскую любовь, – с каким–то садистским удовлетворением еще раз вернулся к этой мысли Петр Иванович, хотя прекрасно понимал, что это вряд ли возможно.

Между тем монгольская реанимация заканчивалась, лекари и главный шаман удалились, видимо, для лечения других монгольских воинов. К Тэмучжину входили один за другим его командиры, докладывая, как идет преследование и разгром оставшейся армии найманов. Похоже, что все шло по плану и даже информация о том, что отряду с Буйрук–ханом все–таки удалось уйти от погони, не испортила ему настроения. И через несколько дней часть армии во главе с верховным предводителем двинулась в верховья реки Онон в ставку степного императора Чингисхана – Каракорум. Петра Ивановича такой маршрут чрезвычайно обрадовал, поскольку сулил ряд новых ощущений и наблюдений, неизвестной пока ему столицы.

За время похода Смолянский узнал много нового, физически ощутив специфику монгольской кочевой жизни. Смолянский никогда не ездил верхом на лошади и сейчас, когда он, превратившись в искусного наездника, преодолевающего каждый день по пятьдесят–шестьдесят км, как бы слился со своей лошадью, не очень высокой, но быстрой и, судя по всему, очень выносливой. У каждого всадника он видел небольшие мешки с сушеным мясом, наре-

занным длинными ломтями и молочными шариками с десяток штук и бурдюки с кислым молоком, прикрепленных к седлам, что обеспечивало монгольскому войску полную автономность и самодостаточность, не обремененного интендантскими службами и большими обозами. Во время кратких остановок Смолянский, а, как выяснилось, монголы на переходах ели только вечером, пили горячий чай, который был похож скорее на густой, соленый, мясной бульон, чем привычный для него с детства напиток, заедали кусками вяленой, видимо высушенной на ветру, баранины. Напиток и еда придавали силы, при этом Тэмучжин, несмотря на свое высокое положение, как оказалось не был привередлив в еде, каких–то особых требований на особые блюда не предъявлял, ел то, что употребляли все его воины.

Войско хана, растянувшееся почти на несколько километров, быстро приближалось к конечному пункту. Смолянский видел попадавшихся навстречу отдельных кочевников, выходивших из юрт и приветствующих великого хана. Стали появляться небольшие группы всадников, которые в знак уважения сопровождали своего повелителя, создавая некий почетный эскорт. Чувствовалось приближение главной ставки и, вскоре, Смолянский увидел на горизонте этот удивительный средневековый город, который и городом–то назвать было сложно, скорее это было похоже на гигантский караван–сарай, который шел по монгольским степям и вдруг, почему–то остановился в самом центре Евразии.

Столица Чингисхана Каракорум только строилась. Сюда стекались сотни караванов с различными материалами, было много золота и серебра, работали строители из Китая, Персии и других частей света, куда уже ступал конь великого хана. Петру Ивановичу бросилось в глаза не только смешение разных стилей, но и сама идея Каракорума. Очевидно, что это было все еще кочевое стойбище, сохранявшее возможность мобильности и передвижения. Не было пока крепостных стен, рва, который должен был опоясывать город, зато было много больших и красивых юрт, возводились отдельные немонгольские, а скорее китайские дома с их характерными завитками, черепицей и пристройками. Начинали строиться и богатые дворцы для знатных персон из личной гвардии. В центре же столицы возвышался гигантский Золотой Шатер, длинною примерно 50–60 метров и высотою с трехэтажный дом, покрытый позолотой и особой китайской парчей, а внутри он был украшен дорогим оружием, шкурами животных, особо ценные дары стояли на золотых подносах.

Перед входом было свежее мясо, фрукты, кобылье молоко[13]. В центре зала был ряд скамеек, на которых сидели приближенные хана, примерно 25–30 человек, как чуть позже определил Петр Иванович, многих из них он уже видел в недавней битве. Это были командиры туков и тумэнов, которые держали себя, как правило, свободно, в руках каждый имел специальную булаву, знак особого доверия и приближенности к хану. Более отдаленные ряды занимали командиры–тысячники, наиболее авторитетные старцы из дугуйлана. Перед всеми на своеобразном постаменте возвышался трон великого хана, который он занимал, когда собирал своих приближенных, или принимал дары и посольства. Петр Иванович постоянно наблюдал (в каком–то смысле даже проводил вместе с великим ханом) обсуждение таких вопросов, как посылка отрядов в те или иные бунтующие земли, объявление новой войны или подготовка к таковой. Смолянский стал свидетелем решения хана о создании первой почтовой службы от Каракорума до Пекина из 35 станций, которая бесперебойно доставляла письма и дорогие посылки адресатам. Эти совещания проходили, выражаясь современным языком, достаточно демократично. Хан выслушивал многих, иногда задавал короткие, но очень точные вопросы. Все говорили неспешно и негромкими голосами. Но как только начинал говорить великий хан, все мгновенно замолкали. И его суждение по этому вопросу означало, что вопрос решен окончательно и к этой проблеме больше никто не возвращался, все плавно переходили к обсуждению следующей темы.

[13] Из забродившего кобыльего молока монголы делали кумыс / айрак с 5-6% долей алкоголя

— Вот такой, понимаешь, Совет Федераций, – резюмировал Петр Иванович.

Что же касалось строящейся столицы, у Смолянского, при внимательном наблюдении, сложилось стойкое убеждение, что при желании хана все здесь могло быть быстро демонтировано, и Каракорум перенесен в любое место Монголии, Тибета или Алтая. Как слышал Петр Иванович, Великий Хан был недоволен тем, как и что строилось. Он вообще был против этого города, считая, что, если кочевник осядет в каменных темницах, он будет терять свою силу, закончится великая эпоха побед, которые даровали ему Тенгри и Великая Степь. Но отдельные советники убеждали его, что нужен постоянный центр его Империи, откуда он, Чингисхан будет править миром. И Петр Иванович видел, что противоречие, которое раздирает великого хана, отражается и на характере и стиле строительства, и архитектуре.

Строители пытались объединить две не объединяемые вещи – огромную кочевую ставку с десятками тысяч юрт, повозок и стационарную, классическую версию крепости с соответствующим набором защитных коммуникаций. И первая, кочевая, пока явно превалировала над второй, поскольку настроения великого хана чувствовали не только его советники и командиры, но и тысячи пригнанных в монгольские степи строителей, архитекторов, инженеров. Что, в конечном счете, получится, никто точно сказать не мог, все думали, прежде всего, о сохранности своей головы, а не о том какие, выражаясь современным языком, креативные и дизайнерские решения в ней созревали. Но то, что в центре далекой Азии создается нечто грандиозное и неповторимое, Петру Ивановичу было очевидно. Он даже вспомнил отрывки из услышанного и прочитанного им когда–то, что археологическая экспедиция еще в советское время вела раскопки Каракорума, обнаружив, несколько городов, разных исторических эпох, отличавшихся по стилю и архитектуре. Был раскопан буддийский город, с огромными ступами и храмами, где молились десятки тысяч лам. Был найден так же и более ранний китайский город, с огромной гранитной черепахой у ворот и с высокими стенами и башнями в китайском стиле. Наконец был вскрыт и самый ранний вариант – монгольский, эпохи Чингисхана и его сыновей.

– В общем, – подвел итог своим академическим рассуждениям Петр Иванович, – именно этот, самый ранний город я и наблюдаю в данный момент. Ах, как жаль, что не могу все это сфотографировать и много чего еще не могу! Все, что я мог, осталось в далекой Москве. И от этой очевидной констатации Петру Ивановичу захотелось завыть волком, и даже судьба маленького клерка в московском офисе уже не казалась ему такой уж и плохой.

В течение дня отряды великого хана постепенно входили через главные ворота, толпы людей громкими возгласами приветствовали их и, как только все воины прошли, у входа были зажжены два больших костра, между которыми уже осторожно, чтобы не обжечься проходили чужеземцы, либо захваченные в бою и чудом оставшиеся в живых пленные, либо новые арабские и китайские караваны, груженые всевозможными материальными благами, завоеванных цивилизаций. Как услышал Петр Иванович из возгласов и реплик рядом идущих монголов, огонь должен очистить чужеземцев от грязных духов и демонов. При этом нельзя сказать, что вновь прибывшие шли через пламя. Скорее, это был формальный и давно отработанный ритуал. Между горящими кострами было несколько метров, и никто по подозрению в «контрабанде» злых духов сожжен не был.

В день, как выяснил Смолянский, в Каракорум приходило примерно до пятидесяти караванов и численность населения столицы колебалась от тридцати до шестидесяти тысяч. Везли все – от персидских ковров, до диковинных китайских приборов. При этом сам Чингисхан не любил и не понимал торговцев. И когда группа арабов или персов начинала торговаться с ним, пытаясь снизить цену за привезенные товары, Чингисхан просто отбирал все и отправлял незадачливых торговцев восвояси. А когда торговцы в качестве даров преподносили к ногам великого хана, фактически, тот же набор товаров, то в ответ получали дары, стоимость которых,

порой, в несколько раз превышала привезенные. Кочевник не мог быть торгашом, он был воин и признавал только дань, поднесенную ему в качестве знака уважения и полного подчинения.

Ночью случилось неожиданное происшествие, серьезно взволновавшее Петра Ивановича, который уже забыл о своих желаниях относительно Лолы Зыгарь. Вдруг он услышал, как один из его телохранителей в соседней юрте китайского евнуха, который обсуживал и следил за ханскими наложницами, поведал китайцу любопытную историю. Речь шла о какой–то сумасшедшей славянской девушке, которая полуголая убежала из татарского стойбища и с диким криком, круша все на своем пути, носилась по центральной части ханских шатров. Но особенно интересным было описание телохранителем достоинств бегающей девы, который поведал, что пока еще не видел таких красивых форм у молодых наложниц. Евнух заинтересовался информацией, видимо, планируя сделать приятный сюрприз великому хану в плане пополнения состава трудениц ханской постели.

— Вот ты и приплыла, – подумал Петр Иванович, на минуту представив весь ужас и шок, который испытывает бедная Лола. Не хватало, чтобы она еще забеременела от хана или от какого–нибудь нойнона[14]и изменила ход истории. Нет, нет, уж пусть лучше Генеральный директор и кто–то там еще, но все своим порядком и в своем времени, – с ужасом подумал Петр Иванович. Но вдруг, его обожгла другая, совершенно шальная, но обнадеживающая мысль:

– Но, если я эту сисястую козу силой воли притащил сюда, значит, возможно, я смогу ее и себя как–то вытащить обратно, в мою милую, шумную Москву. Надо пробовать. Надо комбинировать. Надо что–то делать, – оптимистично подумал Петр Иванович и мысли о страшной ловушке уже не были такими пессимистичными.

Между тем разговоры о безумной грудастой славянке дошли до верховного хана и тот распорядился привести ее, чтобы взглянуть и оценить, насколько слухи соответствуют действительности. Ее привели, поставили на колени перед очами великого Чингисхана, а следовательно (если бы она могла только представить!) и Петра Ивановича, то есть его – Петруши, которого она так унижала.

Накачанные пухлые губы, силиконовые, стоящие как боевые ракеты на взлет груди пятого размера, идеальная талия и опять же накачанное той же химией мягкое место, сводившее с ума не одно мужское поколение офисных работников, а также другие более мелкие косметологические и пластико–хирургические чудеса XXI века, неведомые древнему кочевнику, поразили великого хана. Белая кожа и пышные волосы. Да, он обожал мясо и в прямом смысле, его физического поедания, и в переносном, женском варианте. Отец всегда говорил маленькому Тэмучжину:

– Выбирай жену с крепкими ногами и широким лицом. Она должна быть сильная и здоровая, как твоя лучшая кобыла.

Чингисхан был большой знаток и ценитель женских форм. Он хорошо помнил, как в течение года послы Танского царства Южного Китая всячески расхваливали красоту и неотразимость их принцессы. Он планировал даже сделать ее одной из своих младших жен. Чингисхан с нетерпением ждал тогда этот караван, который наконец–то доставил обещанную красавицу, которую так красочно расписывали китайские монахи и приближенные. Но когда он зашел в специально отведенную юрту, то увидел худющее существо, с острыми коленками, торчащими ребрами, абсолютно плоскую и похожую больше на синего заморенного цыпленка. А когда принцесса улыбнулась своими маленькими и кривыми зубами, он тихим голосом, не предвещавшим ничего хорошего, включая и для самой «возлюбленной», спросил:

— Это и есть ваша красавица – принцесса? В результате только чудо спасло посольство от крайней меры. Это чудо было обеспечено золотыми слитками в размере сорока штук, десятью караванами подарков, цену которых было трудно определить. Это несколько смягчило брачную

[14] Нойноны – монгольская военная и родовая аристократия

церемонию, которая явно пошла не по танскому сценарию. Послов и «китайского заморыша», как охарактеризовал великий хан присланную кандидатуру на роль младшей жены, он решил выслать обратно живыми, но с грозным ультиматумом местному императору: «не делать таких ошибок, иначе Танское царство будет стерто в пыль».

Попадались и более удачные экземпляры. В основном это были представительницы Персии и турецких владений, обладавших определенным телесным заделом в разных местах. Но данный вариант, был, похоже, особым случаем.

– Неужели все славянские женщины такие, – размышлял Чингисхан. Надо сходить походом в эти земли, о которых он немного слышал от путешественников, но сам пока этого сделать не мог.

– Если сам не смогу, – подумал он, – обязательно пошлю к русским кого–то из сыновей или внуков, – заключил великий хан.

– Вот так и делается трагическая отечественная история, – с горечью подумал Петр Иванович, – Вот кто, оказывается, навлек на нас 400–летнее монголо–татарское иго. Эта наша, прости, Господи, пышногрудая сука, – со злостью подумал Петр Иванович, еще более убеждаясь, что Лолу Зыгарь надо срочно «депортировать» отсюда любым возможным и невозможным способом.

– Ох, и прав был старик Зигмунд Фрейд, – продолжал развивать свою мысль о роли личности, в данном случае роли женщины в истории, – все войны, вся политика, все деньги из–за них, зараз – женщин. Вон, даже такую глыбу как Чингисхан она своими сиськами подмяла. Вот сука! – в очередной раз, в сердцах подумал Петр Иванович. Однако, упрощенная версия психоанализа Фрейда пока не влияла на ход событий, и все шло своим естественным чередом.

Великий хан распорядился привести Лолу в соответствующий вид. Ее помыли, одели и увели в специальную юрту для любовных утех. Поскольку Петр Иванович сам станет незримым участником любовных игр великого хана, надеясь на получение набора острых ощущений, он стал настраиваться на очередное удовольствие, причем не с неизвестной наложницей, а с неприступной и нахальной Лолой Зыгарь, от которой столько натерпелся, но которую всегда втайне страстно желал. Мог ли Петр Иванович даже в самом диком сне представить себе, что он будет обладать ею в XIII веке, в ставке самого великого завоевателя в мире!

– Прямо психбольница какая–то! Ну, ничего, хочет того или нет Лола, ее здесь никто спрашивать не будет, – с большим удовольствием подумал Петр Иванович, и словно человек, которому вдруг неожиданно достался дорогой билет в партер на премьеру модного спектакля, он мысленно расположился в своем виртуальном кресле в предвкушении любовного шоу.

Великий хан, по привычке, ожидал, когда «обожающие» его, а точнее боящиеся потерять свои головы, наложницы обрушат на него вулкан страстей и волны утонченных ласк, как это обычно бывало сотни и сотни раз. Но в этот раз было не так. Сумасшедшая Лола, не только не собиралась удивлять любовными изысками великого хана, но и, как понял Петр Иванович, вообще не очень соображала от ужаса, где она и что с ней происходит.

– Видимо она, – подумал Смолянский, прослушав очередную тираду референта, которую кроме него никто и не понимал, – решила, что ее богатый любовник, чтобы освежить чувства, устроил ей новомодное многодневное развлечение, типа «ролевых игр», наняв артистов – стриптизёров в этих шкурах и доспехах. Причем, самого Чингисхана Лола постоянно называла «рыжим дедом с дурацкой бородкой». Он ей не понравился с самого начала и первой оказывать ему какие–то ласки она явно не собиралась.

– Если деньги заплачены, значит работай, ласкай меня, ублажай, хрен старый, помоложе что ли не могли найти, – раздраженно говорила она, в который раз недовольно оглядывая немолодого «артиста».

– Хорошо, что ее никто, кроме меня не понимает, – подумал Смолянский, продолжая наблюдать эту безумную сцену.

Великий хан, выждав пару минут и убедившись, что грудастая славянка не собирается подвергать его любовным утехам, быстро и грубо, сделал то, что делают все мужчины с женщинами уже не одну тысячу лет. Лола, в ответ вместо того, чтобы пасть ниц, как это традиционно делали все отобранные в гарем, и в глубочайшем «экстазе» сказать что–то типа благодарности за то, что величайший снизошел до нее, решила, наоборот, предъявить ему претензии по поводу быстроты процесса, поскольку посчитала, что именно он и загреб главный гонорар. Она стала грязно ругаться, обвиняя его в том, что он ей уделил мало внимания и сделал все быстро и без души. И, что вообще она осталась неудовлетворенной. Петр Иванович с ужасом слушал, снова и снова успокаиваясь, что никто, и в первую очередь сам Великий хан, слава Богу, ее не понимает. Лола же, между тем, продолжала «наезжать».

– Это не секс, – визжала она, – а жалкая пародия. Партнерша должна получить удовлетворение и не один раз, а иначе, какого хрена мы вам платим такие деньги!!! Вон, татарские стриптизеры в шкурах и на конях, те были куда лучше и живее, чем ты – бородатый хрен! – закончила она свою тираду.

Великий завоеватель, несмотря на языковой барьер, характер претензий уловил и без перевода. Девушка недовольна. Это был первый случай в его огромной практике, когда наложница говорила ему, что он плохой мужчина. По реакции и спутанным мыслям хана Петр Иванович понял, что тот даже не знал, как к этому вообще относится. Петр услышал промелькнувшую сначала мысль посадить девушку на кол, чтобы та получила то, что хотела. Но это хану показалось простым и обычным. Затем промелькнул вариант привязывания одной ноги девушки к одному скакуну, а другой соответственно к другому и запуска лошадей в противоположных направлениях. Но и этот вариант хан отверг, поскольку, как–то по–своему, он даже немного зауважал ее за такую смелость, граничащую с безумством.

– Какие интересные эти славянки, – мелькнуло в голове у Чингисхана, – если даже беззащитная девушка не боится говорить мне в глаза такое, каковы же тогда славянские мужчины. Нет, надо повременить с походом на Русь. Пусть мои сыновья и внуки с ними воюют. Я уже не так молод, чтобы играть с огнем, – снова и снова слышал Петр Иванович удивительные мысли, от которых у него возникла даже на некоторое время гордость, вызванная наездами Лолы на самого могущественного в мире завоевателя.

И тогда хан решил, учитывая отвагу славянской девы, дать ей то, чего она недополучила. Он вызвал старого даосского монаха и его лысых евнухов – специалистов по китайским эротическим хитростям и приказал:

– Эта девушка хочет больше любви, дайте ей то, чего она хочет с помощью нефритового чуда.

После этого даосские монахи принесли гладко отшлифованный нефритовый предмет, похожий на то, что продают в специализированных секс шопах Москвы. Был грех, Петр Иванович, иногда захаживал. При этом, Смолянский сначала с ужасом наблюдал эту картину, ожидая мучительной смерти своей бывшей коллеги, которую хотя и сильно ненавидел, но сейчас невольно проникся сочувствием. Однако, увидев размер принесенного предмета, он абсолютно успокоился, подумав про себя:

– Да, уж, испугали нашу Лолу своим нефритовым «чудом», видела она и побольше. Между тем, действо, согласно приказу хана, разворачивалось, и монахи в течение часа пытались удовлетворить Лолу Зыгарь, усиленно работая с нефритовым инструментом и производя другие эротические манипуляции. Но что–то сегодня было не так – то ли «Инь – Ян» был какой–то неправильный, то ли стрессы и перелеты во времени и пространстве, включая «ролевые игры», отрицательно подействовали на Лолу. И как не старались евнухи–монахи, которым она еще умудрялась в процессе работы давать некие команды и комментарии, подкрепляя это сочными ненормативными выражениями, это явно был не ее день. Монахи не были сильны в русской ненормативной лексике, и воспринимали это как благодарность и полное удовлетво-

рение девушки. В итоге они доложили хану о том, что славянская дева получила все, что хотела благодаря его мужской силе и чудесному нефритовому «копью», который довершил блаженство.

– Птичка любви теперь порхает с ветки на ветку, ожидая новой игры на волшебной свирели великого хана, – подвел итог главный евнух.

– Блин, умеют же черти лысые красиво излагать, – подумал Петр Иванович. Понятно, что иного ответа у монахов и быть не могло, поскольку отрицательный результат автоматически привел бы к тому, что их головы как бильярдные шары через минуту катились бы по специальному желобу в общую корзину.

Остались довольны все: Чингисхан, поскольку увидел интересный и яркий экземпляр; евнухи, сохранившие головы, так как свои Инь– Яни они потеряли давно в юности; Петр Иванович, контролировавший, как ему казалось, пока естественный ход русской истории. Недовольной оставалась только Лола Зыгарь, проклинавшая своего Генерального, который вместо нормального секса устроил ей какую–то байду с конями, татарами, артистами, лысыми китайскими евнухами и прочими клоунами. Она была очень сердита и не удовлетворена.

– Зараза, наверное, уйму денег выкинул на эту хрень, – громко негодовала она, – лучше бы вызвал с десяток вип – стриптизеров в наш загородный дом, да на всю ночь. Совсем другое дело.

И когда это безумие с Лолой, монахами, удивительной реакцией великого хана на «звезду» московского офиса закончилось, Петр Иванович начал усиленно желать и, одновременно, молиться всем богам, включая самого сильного местного – Великого Тэнгри о возвращении девушки на место, откуда ее забрали, то есть в Москву, в наше время. В течение часа, пока великий хан отдыхал, Петр Иванович занимался то ли медитацией, то ли каким–то местным шаманством, ритуалы которого и отдельные заклинания он практически выучил наизусть, поскольку Чингисхан ни одного дня не проводил без общения с представителями данного культа. Петр Иванович вспомнил как шаманы, словно кубики в казино, выбрасывали мелкие бараньи косточки, в основном лопатки и, исходя из сложившихся комбинаций, излагали великому хану прогнозы на ближайшее или более отдаленное время. Были и иные варианты гадания, и, конечно, постоянные молитвы, которые возносились к Небу, а затем по четкой и веками отработанной иерархии – Земле, Солнцу, Ветру и т. д. Все это Петр Иванович выучил и хорошо знал, полагая, что если бы он в данную минуту каким–то образом материализовался, то смог бы неплохо поработать на ниве предоставления соответствующих услуг местному населению в качестве служителя шаманских культов. Но, сейчас речь шла о том, как использовать местные божественные силы, ресурсы и свои возможности, чтобы очистить святую монгольскую землю от этой нахальной стервы. Вернуть, наконец, ее на законное и основное рабочее место – в постель к Генеральному.

На следующий день из юрты в юрту пронеслась весть о таинственном исчезновении славянской красавицы после ее ночи с великим ханом. Она бесследно исчезла и как доносили охранники и телохранители – ее никто не видел и вряд ли кто–то похитил, поскольку все кони были на месте, из ставки никто не выезжал и не уходил пешим. У монголов не принято говорить о смерти, поскольку считалось, что даже сами разговоры об этом явлении притягивают его дух к живым. Но про себя, возможно, многие командиры и монахи подумали, что по приказу Великого Хана ее, скорее всего, тайно казнили, а тело закопали в земле. Но это была просто версия, которую никто ни подтвердить, ни опровергнуть не мог. Да и для самого хана исчезновение светловолосой было также необъяснимо, поскольку намерений казнить ее у него не было, Смолянский это ясно услышал, а похитить ее в радиусе тысячи километров не рискнул бы никто. Более того, хан впервые сожалел о потере такой привлекательной и буйной наложницы, которая оставила у него прямо–таки неизгладимый след.

Единственным человеком, точно все знавшим, был Петр Иванович, который после известий об исчезновении Лолы почувствовал колоссальное облегчение и огромную радость за свои возросшие, как оказалось, возможности.

— Значит не так все плохо, значит можно и мне как–то выбраться из тела великого, – радостно думал он, – но эксперименты по перемещению третьих лиц надо заканчивать, хотя отдельных начальников и «друзей» запустить бы не помешало в плане воспитательного процесса. Нет, нет, исключено, а то такой кубик–рубик начнется, век не распутаешь, – жестко подвел итог мечтаниям Петр Иванович.

– Для начала можно попробовать самому уйти к другому великому, только не в женщину, типа Екатерины II, Наполеоновской Жозефины, или Жанны ДАрк, – подумал Петр Иванович, не хватало, чтобы меня еще имели во все места, вводя в предполагаемый транзит некие жесткие гендерные ограничения. И не то, чтобы он был против этих знаменитых дам, но представить себя в роли объекта мужской любви он абсолютно не мог, тем более что каких–то трансгендерных желаний и позывов он в себе никогда не замечал.

– А с Чингисханом надо прощаться, а то так и до неизвестной могилы с несущимися над тобой табунами лошадей скоро дело дойдет, – подумал он.

Эта злосчастная могила с табунами лошадей еще больше подстегнула его, и Петр Иванович для начала решил оттолкнуться от цифры семь. Семерка у славян, насколько он знал, означала полноту и законченность жизни, своеобразный цикл. Он почему–то абсолютно точно почувствовал, что ему отведено именно семь перерождений, ни меньше и не больше. Первое успешно произошло, и сейчас он попробует сделать второе. Поэтому, внутренне сконцентрировавшись, он словно на пионерском утреннике мысленно стал повторять, как ему показалось, полный бред:

– Хочу перейти из Великой Степи в Великое Море. Почему именно «Море» он не знал, но что–то на уровне подсознания работало на противопоставлении слов и символов. Повторяя это словно, как мантру, он стал вгонять себя в некое состояние транса, усиливая и усиливая желание своего перехода. С каждой минутой он уже физически начал чувствовать, как вокруг и внутри него начались какие–то очень серьезные изменения. Время и материя как бы сливались, обволакивая его какой–то густой пеленой, втягивая в невидимую воронку и, как в первый раз, когда он мчался на машине, он вновь почувствовал, разливающийся по всему телу жар и наступающую абсолютную пустоту.

– Ну, вот, опять началось или все закончилось, – вновь промелькнула, как и тогда м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.